

К. М. Станюкович

**ДВА БРАТА
ВАСИЛИЙ
ИВАНОВИЧ**

Константин Станюкович

Два брата

«Public Domain»

1775-1880

Станюкович К. М.

Два брата / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1775-1880

Рассказы о море и моряках замечательного русского писателя конца XIX века Константина Михайловича Станюковича любимы читателями. Его перу принадлежит и множество «неморских» произведений, отличающихся высоким гражданским чувством. В романе «Два брата» писатель по своему ставит проблему «отцов и детей», с болью и гневом осуждая карьеризм, стяжательство, холодный жизненный цинизм тех представителей молодого поколения, для которых жажда личного преуспеяния заслонила прогрессивные цели, который служили их отцы. В книгу вошло также одно из первых произведений Станюковича о море.

© Станюкович К. М., 1775-1880

© Public Domain, 1775-1880

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
I	5
II	9
III	14
IV	20
V	25
VI	29
VII	36
VIII	41
IX	45
X	47
XI	51
XII	55
XIII	61
XIV	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Константин Михайлович Станюкович

Два брата

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В двадцати пяти верстах от одного из уездных городов Смоленской губернии, в полуверсте от глухого проселка, в начале семидесятых годов стояла, – вероятно, стоит и теперь, – скромная помещичья усадьба с тенистым старым садом, спускающимся вплоть к маленькой речке Вити, на противоположном берегу которой уютится небольшая деревня.

Витино – так называлась эта усадьба – принадлежало землевладельцу Ивану Андреевичу Вязникову.

Это имя хорошо было известно не только во всем округе, но и в губернии. Трудно было встретить человека, который бы не отозвался об Иване Андреевиче Вязникове, как о благородном, образованном и честном старике, пострадавшем в молодости за увлечения. К этим лестным отзывам многие, впрочем, прибавляли с сожалением, что у Вязникова все еще беспокойный характер и что он несколько чужак-идеалист. Были и такие люди, особенно между губернской бюрократией, которые говорили о Вязникове, пожимая плечами и таинственно покачивая головой. По их мнению, Иван Андреевич был «старый нигилист» и «как будто еще не уходился». Если бы не эти недостатки, то Вязников был бы во всех статьях превосходнейший человек.

Несмотря, однако, на эти оговорки к лестным отзывам о Вязникове, разноречия насчет его личных качеств и достоинств не было. Все единодушно признавали неподкупную честность и рыцарское благородство старика. По словам его поклонников, Вязникова можно было не любить, но не уважать его было нельзя.

Поселился Иван Андреевич в этих местах, по словам старожилов, в 1860 году, вскоре после того, как он вернулся из дальнего места, где проживал с 1848 года...¹ Он с восторгом приветствовал зарю новой жизни, был одним из первых энергичных мировых посредников, наделил своих крестьян хорошими наделами без всякого выкупа и с той поры безвыездно живет вот уже тринадцать лет в родовом своем поместье, в маленьком одноэтажном домике, выстроенном им на месте развалившейся барской хоромины, в которой когда-то неистовствовал его отец, один из богатейших и отчаянных помещиков Смоленской губернии.

Между крестьянами Вязников пользовался громадным доверием. Слово его было свято. О нем рассказывали, как о заступнике и предстателе во всех серьезных обстоятельствах, готовом при случае помочь и в нужде, хотя он и сам не имел больших достатков. Окрестные кре-

---

¹ ...вскоре после того, как он вернулся из дальнего места, где проживал с 1848 года... – Вскоре после французской революции 1848 года в России прошел ряд политических процессов, в том числе и крупнейший из них – дело петрашевцев (1849 г.). Вероятно, по одному из этих процессов и был сослан Иван Андреевич Вязников. В первые годы царствования Александра II многие из осужденных по политическим процессам при Николае I были амнистированы. Так, в 1856 году прошла амнистия по делу декабристов, в 1857 году начинают возвращаться из ссылки осужденные по делу Петрашевского.

стьяне уважали Ивана Андреевича, и витинского барина звали в округе не иначе, как «праведным баринном». Так под именем «праведного барина» он и слыл.

Таковы были отзывы о витинском старом барине, с которым читатель сейчас познакомится поближе.

Знойный июльский день 1873 года угасал. Багряный диск солнца медленно скрывался за горизонтом. В воздухе потянуло прохладой занимавшегося вечера и ароматом скошенной травы.

В это время на крыльце перед лужайкой, по которой только что прошла коса, сидел Иван Андреевич, покуривая сигару и внимательно поглядывая на дорогу.

Это был высокий, статный, широкоплечий старик, с длинными, спускавшимися на плечи, седыми волосами и большой, широкой, окладистой, совсем белой бородой, доходившей почти до пояса. В лице, фигуре и осанке Ивана Андреевича было что-то величавое, красивое, напоминающее древних патриархов. Открытое, несколько задумчивое и усеянное морщинами лицо, большой высокий лоб, зоркий взгляд черных блестящих глаз и приятная улыбка, скользившая на губах, невольно заставляли остановиться в благоговейном почтении перед этим стариком. На чертах его лица, когда-то красивого, лежала печать благородства, пережитых страданий, мысли и все еще бодрого, протестующего духа. Он на вид казался стариком, хотя ему было всего пятьдесят два года. Жизнь состарила прежде времени его тело, но глаза, светлые, блестящие мыслью глаза, говорили о живучести его нравственного существа. Невольно при встрече с такими стариками, богатыми прошлым и верящими в будущее, проникаешься уважением.

Есть на свете люди, перед ясным взглядом которых словно вы чувствуете себя виноватым, слабым духом и ничтожным. Есть люди, перед которыми даже наглое бесстыдство невольно опускает глаза, как бы чувствуя робость. Это те поседевшие рыцари духа, те могучие, хотя и надтреснутые дубы человечества, которых природа бросает в мир как будто бы для того, чтобы человек не изверился в человека.

Таких стариков напоминал и старик, сидевший на крыльце и пристально всматривавшийся на дорогу.

– Пора идти, Иван Андреевич! – раздался из комнаты приятный и мягкий, несколько взволнованный женский голос.

И вслед за тем на крыльцо торопливо вошла пожилая, среднего роста женщина, загорелая блондинка, крепкого, здорового сложения, с приятными и мягкими чертами лица, сохранившего еще следы прежней красоты. Но главным украшением этого лица были глаза – большие, светлые, серые глаза, светившиеся кротким выражением. Под мягкими лучами взгляда этих кротких глаз точно становилось теплей на душе, – так много было в них нежной любви и какого-то симпатичного добродушия. Достаточно было взглянуть в эти глаза, чтоб сразу отгадать кроткое, привязчивое, доверчивое создание – одну из тех женских натур, для которых главный смысл жизни заключается в привязанности и самоотвержении, а счастье – в счастье любимых людей.

Марья Степановна – так звали жену Вязникова – держала в руках шляпу и палку мужа и, подавая их, снова повторила:

– Пора, пора, Иван Андреевич! Коля скоро должен быть.

Счастливая улыбка сияла на лице матери. Необыкновенной нежностью звучало в ее устах имя сына.

– Идем!.. Приедет ли только Коля сегодня? – обронил Иван Андреевич, подымаясь с лавки.

– Сегодня приедет, непременно приедет. Увидишь!.. Вчера не приехал – верно, в Москве что-нибудь задержало.

Муж и жена вышли за ограду, отделявшую усадьбу от поля, и повернули по узкой черной полосе проселка, пролежавшего между зеленью хлебов, встречать старшего сына, которого третий день как ждали из Петербурга.

Они шли под руку скорыми шагами, пристально всматриваясь в даль дороги. Оба молчали. Каждый из них думал о сыне.

– А Вася где? – спохватился Иван Андреевич, останавливаясь.

– Вася с утра куда-то ушел.

– И, по своему обыкновению, не сказал куда? – усмехнулся отец.

– Ты ведь знаешь, он не любит, когда его спрашивают. Верно, к Лаврентьеву в Починки.

Они приятели. А то у кого-нибудь из мужиков в деревне.

– Разве он не знает, что Коля обещал быть вечером?

– Знает. Он сказал, что придет встретить.

– Сказал?

– Да.

– Ну, если сказал, так придет! – уверенно заметил Иван Андреевич.

И Вязниковы пошли далее.

– Странный мальчик! – как бы в раздумье проговорил Вязников.

– Это ты про Васю?

– А то про кого же? Коля человек как человек.

– А что же в Васе-то странного? Душа-то какая добрая, а если немного дик – что ж тут особенного?

– Ты напрасно заступаешься! – улыбнулся Иван Андреевич. – Малый-то он добрый и честный, я знаю не хуже тебя, но это не мешает ему быть странным. Совсем он у нас за год омужичился и одичал. Робинзоном каким-то стал. Знаешь, за каким делом я его вчера на лугу утром застал? За косьюбой! Коса его не слушается, а он-то старается, он-то старается. Пот градом катится с его лица, видно устал. Здоровье у него не то, что у Коли. Увидел Вася меня, вспыхнул весь и оправдывается: «Я, говорит, еще учусь. Увидишь, как через неделю косить буду». Чудак! Ему в академию надо готовиться, а он точно собирается в мужики!

– Он это так, быть может для моциона! – заступилась Марья Степановна.

– Ты думаешь, для моциона? – с едва заметной усмешкой проронил Иван Андреевич.

Он замолчал и пристально вглядывался на дорогу. Начало смеркаться. Вязников взглянул на часы и покачал головой.

– Пора бы Коле приехать. Поезд уж час тому назад пришел. От станции всего десять верст.

В это время из-за перелеска, тянувшегося вдоль дороги, вышел длинный, неуклюжий, худощавый юноша в блузе, высоких сапогах и маленьком картузе на большой кудрявой голове. Он запыхался от скорой ходьбы и обтирал пот с бледного, болезненного, задумчивого лица.

– Откуда ты, Вася, усталый такой? – спросил Иван Андреевич.

– Спешил не опоздать. От Лаврентьева, папа. В лес ходили. Пилка там...

– Уж не пилил ли и ты?

– Пилил! – ответил, краснея, юноша.

– Вредно тебе, Вася, – вставила мать. – Опять грудь заболит!

– Не заболит, мама, не бойтесь. А Коля, видно, не приехал, – прибавил он.

– Не опоздал ли поезд?

– Сбегать узнать, мама? – вызвался юноша.

– Это десять-то верст сбегать? – усмехнулся отец.

– Велика важность – десять верст! Мужики не по десяти верст отхватывают. Сходить?

– Не надо! – резко заметил Иван Андреевич.

Несколько времени они шли по дороге. Марья Степановна тревожно взглядывала то на мужа, то вперед, – не покажется ли на дороге экипаж.

– И что это у тебя, мой милый, все на языке мужики да мужики, – заговорил Иван Андреевич. – Мало ли что может мужик и чего ты не можешь. Мужики – народ привычный, а ты... ты ведь, кажется, не мужик и готовишься не пахать землю, а быть образованным человеком благодаря счастливой случайности. Так надо ею пользоваться. Пойдемте-ка домой, Коля не будет! – оборвал Иван Андреевич.

Все трое молча пошли к усадьбе. Вася шел сзади.

– Верховой едет! – крикнул он и побежал к нему навстречу.

Отец и мать остановились.

– Не Коля ли? – радостно воскликнула Марья Степановна.

– Какой Коля? К чему ему ехать верхом? – недовольным тоном возразил Иван Андреевич, пристально, однако, всматриваясь в полусвет сумерек.

Через несколько минут Вася возвратился один и подал отцу телеграмму.

– Уж не случилось ли чего, – испуганно прошептала Марья Степановна, питавшая вообще страх к телеграммам.

– Успокойся, ничего не случилось. Чему случиться. Верно, назначает новый день приезда. Сейчас придем домой, узнаем...

Старики прибавили шаг.

– А где же ящик, Вася?

– Уехал. Я расписался в книге.

– Как же это ты так оплошал! Человек устал с дороги, а ты не догадался позвать его выпить рюмку водки?

– Захочет – сам в кабаке выпьет. Кабаков здесь, слава богу, много!

Отец промолчал на это замечание и только искоса взглянул на сына.

Когда вернулись домой, Иван Андреевич прочел вслух следующую телеграмму из Москвы от сына:

«Простите. Сегодня не могу быть. Непременно завтра. Задержали дела».

– Вот видишь ли. Ничего особенного не случилось! – проговорил Иван Андреевич, обращаясь к жене. – Какие-то дела задержали! Верно, важные! – усмехнулся иронически отец.

Он оставил телеграмму на столе в гостиной и пошел в кабинет.

– Чаю мне в кабинет, пожалуйста, пришли, – заметил Вязников в дверях.

Марья Степановна, грустная, тихо пошла в столовую, где уже накрыт был стол и стояли разные печения и закуски, приготовленные для ожидаемого гостя. Она видела, что муж огорчен, и сама была огорчена. Но она не сердилась на сына. Он не виноват. Быть может, и в самом деле его задержало что-нибудь важное. Точно у него не может быть дел!

– А ты куда, Вася? Разве чаю не будешь пить? Сейчас подадут самовар! – обратилась Марья Степановна к сыну, заметив, что он собирается уходить.

– Я сию минуту вернусь, мама. Только в деревню сбегать.

– Загорелось, что ли? Какие дела это у тебя там, в деревне?

– Обещал Василью ружье принести. Завтра на охоту идет!

С этими словами юноша пошел было из комнаты, потом вернулся, обнял мать и вышел вон.

II

На другой день, когда, по обыкновению, Иван Андреевич, в восемь часов утра, вышел к чаю, Марья Степановна, дожидавшаяся уже мужа за самоваром, заметила, что лицо Ивана Андреевича утомлено и как будто осунулось. С тревожной пытливостью взглядывала она на мужа и наконец спросила:

– Здоров ты?

– Здоров. Разве я кажусь больным?

– Лицо у тебя сегодня нехорошее! Хорошо ли ты спал?

– По обыкновению... хорошо. Отчего мне не спать!

Старик говорил неправду.

Эту ночь ему плохо спалось. Различные думы гнали сон прочь, и он только под утро заснул коротким, тревожным сном.

Его больно кольнула, кольнула в самое сердце, неделикатность сына. Отец так нетерпеливо ждал его, ему хотелось прижать к сердцу своего любимца, своего милого, умного, талантливого мальчика, на котором лелеялось столько отцовских надежд, а Коля два раза назначал дни приезда и два раза не сдержал обещания.

Это было больно. Кажется, он не заслужил такого... он прибирал слово... – такого невнимания! Какие могли быть у Коли важные дела? Разве он не знает, как горячо его любят, как нетерпеливо ждут его после двухлетней разлуки? Разве его чуткая натура не понимает, как хочется отцу поскорей взглянуть на молодого человека, познакомиться с ним поближе теперь, когда он готов вступить в жизнь, узнать, как он думает, во что верит, что любит, что ненавидит? И разве Коле самому не хочется скорей повидаться с отцом, не только с отцом, но и с другом, скорей поделиться мыслями, надеждами? Разве письма могут заменить живую беседу?

В его года так быстро меняются веяния, особенно у такой впечатлительной природы, как Коля. Что сделали с ним последние два года?

Ну, разумеется, он остался таким же хорошим, подсказывало родительское сердце. Еще недавно старик читал первую статью Коли, горячую статью, обратившую даже на себя внимание, и старик был обрадован. В этих благородных стремлениях молодости он точно узнавал себя, с гордостью отца и учителя любовался первым трудом сына и ученика. Он вспомнил теперь об этой статье. Старик хотел поспорить по поводу некоторых мыслей, высказанных в ней его сыном.

«Но за что ж такая небрежность? Два раза эти телеграммы? К чему было писать их?» – повторял старик, обиженный своим любимцем скорее как друг, чем как отец.

Мысли сосредоточивались на сыне. Прошлое невольно врывается в голову эпизодическими отрывками, в которых Коля являлся ясным воспоминанием в годину тяжелой жизни. Ребенок скрасил долгие, однообразные, серые будни в далеком, пустынном захолустье. Детский лепет заставлял забывать на время тоску отчужденности. Впереди предстояла перспектива заботы, какой-нибудь исход деятельной природы, обреченной на томительное бездействие. Отец был первым учителем ребенка. Он вложил душу в это дело и шаг за шагом следил за развитием мальчика. Под его любовным, внимательным взглядом вырастал ребенок на радость отца, желавшего воспитать в первенце человека и гражданина для тех светлых дней, когда взойдет, наконец, заря над родиной и лучшее будущее выпадет на долю его поколения, когда его Коле не придется, подобно отцу, зарывать свой талант в землю, а употребить его в дело, отдать его вполне на служение своему народу. Вера в эти лучшие дни придавала энергию отцу, и он в сыне как будто олицетворял свои несбывшиеся юношеские надежды...

Сын радовал отца. Мальчик был способный, талантливый, отзывчивый, мягкая, впечатлительная, богато одаренная, самолюбивая и пылкая натура. Они обожали друг друга, и с летами это обожание перешло в тесную дружбу. Мать ревновала сына к отцу, отец к матери.

Когда родился второй сын, старшему уже было восемь лет. Мать оберегала другого сына от исключительного внимания отца, точно боялась, что отец овладеет совсем и другим сыном так же, как и первым. Но он еще был мал, и к тому же в скором времени после его рождения судьба Вязниковых изменилась к лучшему. Они наконец оставили подневольное захолустье...

С переездом в Витино отец поступил в мировые посредники. Он был очень занят; вечно в разъездах, вечно деятельный, он точно хотел наверстать потерянное время бездействия, но все-таки он не прекращал занятий с старшим сыном. Вася был ближе к матери. Она первая давала ему уроки, а потом ему взяли учителя.

Отец сильно любил обоих сыновей. Хоть он и не признавался в этом, но сердце его как-то ближе лежало к старшему сыну. С Колей его связывали воспоминания, связывали надежды наставника. Да и Коля казался отцу натурой богаче одаренной, чем Вася, более откровенной, симпатичной, изящной и тонкой.

Вася рос молчаливым, неприветливым, сосредоточенным дичком, редко ласкавшимся, редко выражавшим чувства с той поспешностью, с которой выражал старший сын. С детства он не блистал способностями. Все ему давалось как-то трудно, с сильным напряжением ума и воли. Вообще мальчик не выдавался.

Он казался отцу простоватым, недалеким и даже черствым ребенком. Но мать знала, сколько доброты, сколько сильного и глубокого чувства, сколько ума таилось в этом сдержанном, странном ребенке. Позже узнал это и отец. Он был растроган, упрекал себя в несправедливости, в невнимании к Васе, пробовал ближе подойти к ребенку, нередко подолгу задумывавшемся, сосредоточенному; но все-таки между отцом и сыном не установилось близости, какая была с Колей. Младший сын не то что боялся отца, а как будто стыдился рассказывать, что занимало его детское воображение, над чем он задумывался. Коля, бывало, все сейчас расскажет, а Вася – нет, промолчит. Отец его любил, но не так хорошо знал его, как Колю. И теперь, вспоминая отца, в характере младшего сына были странности, приводившие отца в недоумение. Он как-то уединялся, по временам задумывался, бывал рассеян, несообщителен. Вообще, между братьями была огромная разница еще в детстве, а с годами она обозначилась резче. Коля блестящим образом кончил гимназию и теперь кончил университет. Он всем нравился своим открытым, веселым нравом. Вася занимался хорошо, но далеко не с таким успехом, зато отлично знал математику, к которой имел пристрастие. Товарищи, как рассказывал Вася отцу, звали его «нелюдимом» и «богомолом», но у него были друзья, хотя и не все его любили. В университет он не пожелал, а почему-то захотелось ему быть моряком. Его отдали в морское училище, но он там не кончил. Вышла история, о которой будет подробно рассказано в свое время, и Вася приехал в деревню. Отец, после этой истории, еще более привязался к сыну и предложил ему выбрать другую карьеру. Он стал готовиться в медицинскую академию, но все откладывал поступать, более читал разные книги, чем учебники, и в последнее время с каким-то увлечением занимался физической работой, бродил по лесу, возился с мужиками... Вообще в это время в нем, по наблюдениям отца, происходил какой-то перелом. Отец не мешал сыну и не совсем хорошо понимал, что такое делается с юношей. Чужалось ему веяние чего-то нового, непонятного, несимпатичного старику.

Коля ближе подходил к отцу, а Вася представлял для него какую-то загадку. Отец объяснял, впрочем, странные наклонности сына отчасти знакомством с Лаврентьевым, а отчасти некоторым мистицизмом, не чуждым характеру юноши. У него была полоса необычайной религиозности. Два года тому назад, пятнадцатилетним мальчиком, Вася писал отцу письмо, которое тогда поразило Ивана Андреевича... «Со временем все это пройдет, – думал отец. – Коля повлияет на брата».

– Оба они все-таки славные ребята! – проговорил вслух Иван Андреевич, засыпая под утро.

Он допил свой второй стакан, обмениваясь короткими фразами с женой. О Коле отец не упомянул ни слова, и Марья Степановна обратила на это внимание. Она тоже не начинала разговора и только вскользь упомянула, что нужно сегодня посылать на станцию, так она все равно сама поедет.

– А меня не возьмешь? – засмеялся Иван Андреевич, понявший в чем дело.

Марья Степановна в ответ тихо улыбнулась. Она видела, что Иван Андреевич не сердился больше на сына, и тревожный взгляд ее сменился обычным кротким и радостным. Тотчас же она заговорила о том, какой обед она заказала на случай, если Коля приедет со вторым поездом, а не с вечерним, и что сегодня будет готов для Коли письменный стол, который она отдала починить, и будут повешены новые занавески.

– Ему нужен большой стол. Быть может, он здесь что-нибудь новенькое напишет!

Иван Андреевич улыбался. Ему весело было слушать эту заботливую болтовню матери.

В столовую вошел Вася. Сперва он подошел к матери и, по привычке, оставшейся еще с детства, обвил рукой ее шею и поцеловал ее в губы, а мать в это время незаметным крестом перекрестила его лоб. Потом он подошел к отцу и протянул было руку, но отец притянул его к себе и как-то особенно нежно поцеловал сына, как бы безмолвно извиняясь за вчерашние слова.

Вася не ожидал этой необычной ласки. Он нервно вздрогнул и сконфузился. Мать уже наливала ему чай, взглядывая на мужа и сына. «Удивительно, как Вася похож на отца!» – подумала она. Иван Андреевич между тем спрашивал:

– Ты, конечно, давно встал?

– В шесть часов. Я уж и раков для тебя наловил. В кухню снес.

– Спасибо, голубчик. А косил?

– Косил.

– Ну, как косьба твоя, – подвигается?

– Подвигается.

– Ах, ты, Микула Селянинович ²! – добродушно засмеялся старик и потрепал сына по плечу. – Худ только телом ты. Духу-то в тебе много, а тела мало. Надо тела припасти.

– В деревне поправится. Петербург ему вреден. Помнишь, каким он из Петербурга тогда приехал: совсем чахленький.

– А все учиться надо! – серьезно проговорил Иван Андреевич, подымаясь с места.

Вдруг невдалеке звякнул колокольчик. Все поднялись с мест и бросились к растворенному окну. Но из окна, выходящего в сад, не видно было дороги. Все как будто позабыли об этом.

Колокольчик заливался совсем близко. В окно ясно доносились веселые вскрикивания ямщика.

– Коля, Коля верно! – в один голос воскликнули отец и мать, выбегая из столовой на крыльцо.

Во двор въезжала почтовая телега.

– Коля! – радостным, взвизгивающим голосом крикнула Марья Степановна, бросаясь навстречу.

Иван Андреевич побежал за ней.

---

² Микула Селянинович – богатырь-пахарь, популярный герой русского былинного эпоса.

Телега остановилась среди двора. Из нее быстро выскочил молодой человек и стал обнимать мать, отца и брата. Он переходил из рук в руки, улыбающийся, счастливый, взволнованный радостью свидания. Марья Степановна улыбалась, а слезы текли по ее лицу. Иван Андреевич несколько раз прижимал к груди сына, отпускал его, взглядывал на него и снова обнимал своего любимца.

– Коля, наконец-то ты приехал! – шептал старик.

Старуха няня торопливо шла из дому.

– Голубчик мой! – воскликнула она. – Дождалась и я тебя!

– Няня, здравствуй!

Молодой человек горячо расцеловал старушку.

Все шумно пошли в дом, обмениваясь с приезжим отрывочными фразами и восклицаниями. Гостю задавали вопросы и, не дождавшись ответов, снова предлагали новые.

– Чего хочешь, чаю или кофе? – спрашивала Марья Степановна. – Он нисколько не изменился, не правда ли, Иван Андреевич? Такой же, как был уже года два тому назад. Комната твоя приготовлена. Досадно, стол не принесли!

– Нет, изменился. Как не изменился! Вырос, возмужал. С каким поездом ты приехал? А борода-то какая стала!

Сын едва успевал отвечать.

– Закусить не хочешь ли? Устал с дороги? Вещи-то твои надо снести. Сейчас скажу Авдотье. Няня! Скажи, милая.

Вошли в дом.

Молодой человек весело озирался.

– Все по-старому! – произнес он.

– Все по-старому! – отвечал Иван Андреевич.

Николай заглянул в кабинет, зашел в спальню, мельком взглянул на свою комнату, заботливо убранный рукою матери, расцеловал снова мать, забежал в комнатку к няне. Все ему было знакомое, родное, все говорило о прелести старого гнезда.

– А Васину комнатку я забыл посмотреть!

– После все осмотришь. Пойдем-ка чай пить. Верно, с утра ничего не ел?

Все вернулись в столовую. Отец усадил сына рядом.

Тем временем Вася позаботился о вещах и помогал ямщику таскать вещи. Горничная Авдотья хотела было помочь, но юноша сказал, что и без нее справятся.

Когда все вещи были перенесены, он пришел в столовую и сказал:

– Ямщик, Коля, дожидается!

– Ах, я и забыл. Надо ему дать на чай.

Он хотел было встать, но брат заметил:

– Сиди, я снесу!

– Да скажи, Вася, чтобы ямщика чаем напоили, – проговорил отец.

– Ладно.

– А Вася в деревне поправился. Славный он!

– Оба вы у нас славные! – нежно ответила Марья Степановна. – Что, сладко? – спрашивала она, когда сын принялся за чай. – Может быть, еще сахару? Не скушаешь ли чего-нибудь?

– Ничего, мама-голубчик, не хочется. Я так рад, так рад вас видеть.

– Ну, хлеба с маслом скушай. Хлеб домашний. У вас, в Петербурге, такого нет. Попробуй, родной мой.

Отец и мать не спускали глаз с сына, с родительской гордостью любясь молодым человеком.

А он сидел между ними свежий, красивый, радостный, чувствуя прилив нежного чувства и горячей благодарности. В избытке счастья, он первое время не находил слов и только весело улыбался под взглядами, полными горячей и беспредельной любви.

III

Действительно, не одно только родительское пристрастие могло любоваться, глядя на Николая.

Николай Вязников был очень красивый молодой человек с одним из тех симпатичных привлекательных лиц, которые обыкновенно всем сразу нравятся. С людьми, особенно с молодыми, обладающими такими счастливыми физиономиями, быстро знакомятся и сходятся без труда. Им даже охотно прощают то, чего не прощают людям, которых природа не наделила такой наружностью. Что-то притягивающее, располагающее было в тонких, нежных и мягких чертах молодого румяного лица, опушенного круглой, шелковистой вьющейся бородкой, такой же черной, как и волосы, зачесанные назад и открывающие красивый белый лоб, – в умном улыбающемся взгляде небольших карих глаз, в полуулыбке, бродившей на ярких губах, в манере держать себя, в стройной, гибкой фигуре и мягких изящных движениях.

Чуть-чуть вздернутый кверху нос с надетым пенсне, слегка приподнятая губа и некоторая самоуверенность в манерах и тоне приятного, мягкого голоса придавали молодому человеку несколько фатоватый вид. Но эта самоуверенность, искренняя, отзывающаяся чем-то беззаботным, не имела в себе ничего самодовольного и даже шла к симпатичной физиономии. Сразу было видно, что перед вами один из баловней судьбы, еще не испытавший серьезных неудач, горя и лишений, которого жизнь еще гладила по головке. Лицом он очень походил на мать. Те же нежные черты, тот же склад лица, та же неопределенность и расплывчатость линий. Но выражение лица было другое. В нем не было кротости, светившейся в ясном взгляде матери.

Одет молодой человек был в серый летний костюм, сшитый, как было видно, у хорошего портного. Вообще по всему было заметно, что молодой человек не пренебрегал своим туалетом и наружностью.

При сравнении двух братьев, сидевших рядом, – Вася с задумчивым недоумением разглядывал Колю, точно разглядывал нечто для него не вполне понятное, – первое впечатление невольно было в пользу Николая.

Рядом с красивым молодым человеком, лицо которого дышало искренностью и, казалось, не умело скрывать ощущений, – бледное, худощавое, задумчивое юношеское лицо с болезненным, даже несколько страдальческим выражением, – такие лица напоминают религиозных мучеников, – неуклюжая, долговязая фигура, застенчивые манеры, грубовато-добродушный тон речи... все это особенно рельефно выделялось при сравнении.

При первой встрече с двумя братьями каждый сказал бы про старшего: «Какой симпатичный!», а про младшего, наоборот, сказал бы: «Какой несимпатичный!»

Отец и мать не могли нарадоваться и с восторженной гордостью глядели на Николая. Под влиянием радостных ощущений и он умилился, как-то размяк, но видно было, что это восторженное внимание он принимал, как нечто привычное, обыкновенное, как капризные баловни-дети, сознающие свою силу над любящими родителями.

Когда прошло первое впечатление встречи, отрывочные вопросы, ответы и полуслова, которыми обменивались первое время, сменились разговором.

Молодой человек рассказывал, почему он опоздал и заставил отца и мать два раза напрасно ожидать себя.

– Вы простите меня, – говорил он своим мягким, несколько певучим голосом, в тоне которого звучала уверенность, что его непременно простят, – вы простите меня. В Москве случилась неожиданная встреча. Ты помнишь, папа, я говорил тебе об одном из старых друзей моих, Бежецком, который принужден был оставить на третьем курсе университет?..

– Как же, помню... По твоим словам, этот Бежецкий славный малый и горячая голова.

– С ним-то я и встретился в Москве после трех лет разлуки... Он только что приехал в Москву к своим... Ну, разумеется, интересно было встретиться... Я и опоздал... Ты не сердись, папа? Мама, верно, не сердится.

В ответ старик пожал руку сына.

– Только удивил меня Бежецкий. Прежде он так горячо принимал все к сердцу, был одним из ярых, а за эти три года совсем изменился, как-то осел, присмирел, совсем не тот, что был. Сестры просто сокрушаются, глядя на брата...

– Ты познакомился с семейством? – спросила мать.

– Бежецкий чуть не насильно к себе затащил. Непременно хотел, чтобы я познакомился с его семьей! – слегка краснея, проговорил Николай. – У него славная мать и две сестры, очень неглупые и развитые девушки. Бежецкий просил об одном деле. Старшая сестра собирается поступить на женские курсы, так просила меня дать ей сведения и написать кое-кому рекомендательные письма. В Петербурге у них никого знакомых нет...

«Вот какие дела!» – улыбнулся про себя Иван Андреевич и прибавил:

– Скоро ж перегорел твой друг!

– Это, папа, самого меня поразило. Никогда бы я не поверил, если б не видел сам Бежецкого... Сколько надежд подавал он в университете, какой был славный, честный, убежденный, а теперь?... Мне кажется, он пойдет по общей колее!.. Вообрази себе, папа: Бежецкий взял место на железной дороге, и ведь место-то какое!.. С огромным жалованьем! А давно ли мечтал о кафедре, о деятельности, ничего не имеющей общего с настоящей.

– Быть может, средств не было... Мало ли о чем мечтаешь в молодости. Семья у него на руках?

– То-то и нет! Семья его кое-что имеет и в его средствах не нуждается. Да разве, папа, семья – оправдание для всякой мерзости? – внезапно воскликнул молодой человек, оживляясь, причем маленькие его глаза заблестели. – Ведь так каждую подлость можно оправдывать семьей, особенно, если она плодovitа. И всякий негодяй может говорить: «У меня семья, я должен позаботиться о детях!» – и, утешаясь этим, безнаказанно грабить казну, обижать беззащитных, оскорблять порядочных людей... Что ты, папа! Положим, жизнь заедает, но не так уж, как говорят обыкновенно люди, готовые на сделки... Поверь, что человек, оправдывающий подлость семьей, и без семьи сделает подлость...

Иван Андреевич слушал сына. Горячие, порывистые слова Коли приятно щекотали его нервы.

Вася, напротив, как будто все еще недоумевал.

– Ты, конечно, теоретически прав.

– Еще бы!..

– Подожди, не торжествуй слишком рано победы над отцом, – шутливо прибавил старик. – Ты, повторяю, прав, но бывают случаи – и мало ли случаев! – когда единичные факты, как бы они ни были ужасны, ничего не значат. Знаешь ли, друг мой, нельзя сплеча винить: надо прежде узнать все обстоятельства, а то как раз попадешь впросак...

– Нет, папа, нет, не говори! – горячо начал Николай, – подымаясь со стула. – Никакие обстоятельства не могут оправдать таких людей, как Бежецкий. Кому много дано, с того больше и спрашивается! Я ему высказал это прямо в глаза.

– И разошелся с ним? – неожиданно воскликнул Вася.

– Ах ты, юнец! – снисходительно кинул Николай. – Нет, не разошелся... все же он не пропащий еще человек.

Вася снова облокотился руками на стол, как будто замечание брата не произвело на него никакого впечатления.

– Обстоятельства! – снова начал молодой человек. – Это старая песня! Да и какие обстоятельства хоть бы у Бежецкого? Он умный человек, понимает, что теперь больше, чем когда-

нибудь нужны образованные, честные люди на всех попрishaх, а что ж он с собой сделал? В сущности, продал себя. Если не будет потакать прямо, то умоет руки! Во имя чего? Все равно, говорит, ничего не выйдет, так я хоть личную жизнь устрою... Личная жизнь!.. Да разве она может быть счастливой при таких условиях?.. Ах, папа! Я не могу хладнокровно говорить, как вспомню о Бежецком! Да он ли один?.. Множество таких, и это между нашими, между молодежью. Одно благополучие, один бог Ваала ³ стал кумиром. Не успеет еще человек «пары сапог» сносить, – смотришь, он уж поет унылую песню, складывает руки и заботится о гнезде, да еще о гнезде-то каком, о самом роскошном, а там хоть трава не расти... Или бросается делать карьеру... Точно все, чему мы учились, чему мы верили и поклонялись, что волновало нас, из-за чего мы боролись, – все это был только модный костюм, пригодный для разговоров, а чуть встреча с жизнью – долой его!.. Ты знаешь, папа, что из нашего курса большинство, наверное, будет Бежецкими...

Молодой человек продолжал развивать эту тему.

Впрочем, вскоре он увлекся и от этой темы перешел к другой, третьей, делая неожиданные переходы. Он говорил горячо, с нервностью сангвинического темперамента, с искренностью молодости, полной добрых намерений. Он не столько доказывал, не столько заботился о фактах, сколько хлопотал об обобщениях, рисуя одну за другой картины, не жалея густоты красок. Собственные слова возбуждали его. Казалось, он торопился вылиться, вылиться залпом, точно спеша показать слушателям и особенно отцу, что перед ними взрослый, умный человек, знающий цену вещам и людям и понимающий, что происходит у него перед глазами.

Старик слушал и тихо-тихо улыбался, покачивая головой. Так маститые профессора слушают на экзамене бойких учеников, подающих надежды. Все, что говорил сын, было хорошо знакомо Ивану Андреевичу, но в устах сына эти слова являлись для любящего человека полными отрадного смысла. Приятно, когда близкий человек не обманул ваших надежд.

– Ну, Коля, ты уж чересчур увлекся! – заговорил Иван Андреевич, когда сын умолк и «отходил». Взгляд его так же быстро потухал, как и загорался. – Два-три факта – и ты уж нарисовал целую мрачную картину. У тебя, как вижу, осталась старая страстишка к обобщениям и... преувеличениям! – улыбнулся отец. – Не все ж такие пустоцветы, как твой приятель да два-три твоих знакомых... Не совсем же перевелись порядочные люди. Ведь по-твоему выходит, что будто в России и людей нет. Есть они, братец, только не видны, и деятельность-то их незаметна... Условия деятельности пока еще тесноваты... что правда, то правда... Иногда даже стыдно бывает, из-за какого пустяка приходится горячиться, какие истины доказывать и за что ждать... выговора, хотя бы такому седовласому старцу, как твой отец... Ну, да ты сам это хорошо понимаешь... А все-таки «земля движется», все-таки есть люди и между стариками и между молодежью... Я уже старик, а верю в человека, хотя в мои годы и пора бы извериться; ты же, Коля, такой молодой и хочешь казаться пессимистом наперекор себе!.. Впрочем, постой... постой... не кипятись!.. Я понимаю твое негодование и мизантропические выводы. Ты только что разочаровался в близком человеке и находишься еще под этим впечатлением... Это тяжело, Коля, не спорю, но все-таки нечего приходить в отчаяние... Жизнь, брат, еще целая жизнь у тебя впереди...

– Да я и не прихожу в отчаяние... Я рук не сложу, не бойся, но надо называть вещи их именами... Ты, папа, как посмотрю, такой же отчаянный идеалист, как и был.

– Ну, не такой, как был, мой друг... Жизнь самого завязанного идеалиста собьет с позиции, – усмехнулся Иван Андреевич, – а все-таки не думаю, что все кругом нас дураки или мошенники. Свежая водица просачивается... Ну, а ты-то сам, ты-то, мой друг, разве не идеалист?! Идеалист, да еще какой! Да разве можно не быть им в твои годы, с твоим честным, доб-

---

³ Ваал – древнее общесемитское божество, почитавшееся покровителем плодородия и шире – общего житейского благополучия. Поклонение Ваалу – поклонение наживе, стяжательству.

рым сердцем, с твоей впечатлительной натурой? В двадцать три года да извериться в людей!.. Это, Коля, было бы ужасным несчастьем... И дай бог, чтобы ты подольше сохранил в себе веру... Нынче, как погляжу, молодые люди как-то морщатся, если зовут их идеалистами... Сороковыми годами пахнет!.. Эх вы!.. А вся твоя филиппика ⁴, что это такое, как не лучшее доказательство?.. А твои письма? А, наконец, твоя статья?.. А еще прикидываешься... Меня, мальчик, не обманешь.

– Ты разве читал статью? – спросил молодой человек, весь вспыхнув.

– Читал, да не раз, а три раза перечел.

– Я думал, ты не читал. Она ведь всего две недели как напечатана. Я и книжку с собой привез!

– И ты думал, что я еще не прочел! – ласково укорил Иван Андреевич. – Как только в газетном объявлении бросилось мне твое имя, я тотчас же поехал в город и у знакомых достал книжку журнала, где напечатана твоя статья...

– Как ты нашел ее, папа? Ты, пожалуйста, не щади авторского самолюбия.

– Статья недурная. В ней есть жар, есть увлечение, видно, что она написана нервами, и потому производит впечатление – словом, статья хорошо рекомендует тебя.

– Отец твой всем нам читал ее, – проговорила Марья Степановна.

– Но есть и недостатки...

Хотя Николай и хотел казаться спокойным, но волнение проглядывало на его лице.

– Какие же, папа?

– Фактов маловато, фактов. Видно, что ты вопроса не изучил как следует... знаешь ли, по-немецки. Тогда бы статья еще лучше вышла.

– Но ведь это журнальная статья!..

– А все фактов побольше не мешало бы. Но я к слову об этом. Вообще же статья хорошая, честная. Ну, мы еще с тобой о ней поговорим, поспорим. Теперь будет с кем мне спорить. Вася – тот больше про себя думает!.. – засмеялся старик. – Взгляни, он и не слышит, что о нем говорят. Вася! Слышишь? О чем это ты задумался?

Вася сконфуженно встрепенулся и рассеянно смотрел на отца.

– О чем это ты?

– Да так!..

– Он вот всегда таким манером от меня отделяется, – шутливо промолвил Иван Андреевич. – Не удостоивает.

По лицу Васи пробежала застенчивая улыбка.

– Еще смеется! – добродушно заметил отец, дружески похлопывая Васю по плечу. – Хоть бы ты, Коля, расшевелил нашего меланхолика!..

С этими словами Вязников встал из-за стола.

– Ты, Коля, потом зайди ко мне. Нам с тобой еще о многом поговорить надо. Ведь два года, брат, не видались. Ишь какой ты большой стал, меня перерос. А после обеда по усадьбе пройдем...

– Отлично, папа. Я к тебе зайду, дай только переодеться. Я совсем ведь по-дорожному. Эка прелесть какая! – воскликнул он, выходя на балкон. – Сад-то еще более разросся. Что, все Василий за садом смотрит? – спрашивал Николай, направляясь с отцом в густую аллею.

– Все он. Никаких перемен без тебя не было.

– И соседи те же?..

– Вот только Лычков имение продал. Совсем старик разорился.

– Кому?

---

⁴ Филиппика – гневная обличительная речь. Филиппиками называлось собрание речей древнегреческого оратора Демосфена, направленных против царя Филиппа Македонского.

- Кривошейнову. Помнишь мельника бывшего, Кузьму Петровича?
- Как не помнить... Шельма порядочная!..
- Он и купил!
- Это огромное имение купил?
- У него, братец, миллионное состояние. Он нынче у нас в уезде чуть не первое лицо.
- Времена!..
- И важничает как Кузьма!.. Рожа уморительная! Вот только по-прежнему теснит народ... Все крестьяне на него плачутся. Они у него все в руках. Все должны ему. Лаврентьев кассу устроил – все пользы мало: почти весь уезд в кабале у Кузьмы. Уж я в земстве подымал вопрос о нем. Напрасно! Только Кузьму обозлил.
- А Лаврентьев по-прежнему дикий человек?.. Ни с кем не знаком?
- Тише, тише, Коля!.. Вася за Лаврентьева горой стоит. Дикая человек – его приятель! – засмеялся Иван Андреевич. – Сошлись.
- Вот как!
- Человек-то он честный, только с некоторыми странностями. Совсем мужиком живет, по-прежнему!
- Ну, а Лески пусты?
- Нет. Недавно приехала Смирнова с двумя дочерьми. Очень неглупая женщина. Верно, в Петербурге о ней слышал?
- Как же, слышал. У нее бывает интеллигентное общество.
- Познакомься, если хочешь...
- С удовольствием. Говорят, порядочная женщина.
- И у Лаврентьева побывай. Человек он хороший, хоть и странный. Ты ведь с ним не знаком? И я с ним через Васю познакомился, а то прежде встречались только.
- Так вот как! Перемен-то у вас немало!
- Леночка, Коля, замуж выходит! – вставила Марья Степановна, подходя к разговаривающим.
- Да, да, я и забыл тебе сказать.
- Леночка? Это интересно. За кого?
- Угадай.
- Трудно.
- За Лаврентьева.
- Дикая человек женится на Леночке! Вот не ожидал! Никак не ожидал. Она часто у вас бывает?
- По-прежнему. Верно, сегодня придет.
- Леночка за Лаврентьева! Признаюсь, вы меня поразили.
- Лаврентьев три раза ей делал предложение.
- И она, наконец, согласилась?
- Что ж, если любит.
- Ну, разумеется; только я думал, что Леночке иная судьба готовится, а впрочем... Непременно поеду к Лаврентьеву. Верно, он стал чище одеваться, если Леночка за него замуж выходит. С ним, значит, произошла метаморфоза!.. – засмеялся Николай. – Экая роскошь-то в саду! После Петербурга точно в рай попал!
- Надеюсь, ты у нас до осени? – спросила Марья Степановна.
- Еще бы...
- А после? – спросил отец.
- Еще не решил, папа. Предположение есть. После поговорим! – произнес он, возвращаясь назад. – Ну, пойду переоденусь, а то я на дикого человека теперь похож!

Он вошел в столовую и, увидевши Васю, сидевшего на том же месте, охватил его за тонкую талию и нежно сказал:

– Чего ты, милый Васюк, один сидишь? Пойдем-ка!

И он увлек брата к себе в комнату.

– Все тот же! – проговорил, радостно улыбаясь, Вязников, обращаясь к жене.

– Тот же. Приехал – и будто веселье с ним приехало.

– А за обедом не худо было бы выпить по бокалу шампанского. Как ты думаешь, старуха?

Есть у нас?

– Как не быть! Я припасла к Колиному приезду.

– Вот и отлично! Поздравим его с окончанием курса! Молодец он у нас. Конек горячий!

– Это-то и страшно.

– Отчего страшно?

– Ты разве забыл свою-то молодость?

– Ему не надо этого... Боже сохрани! – проговорил Иван Андреевич. – И к тому же... А, впрочем, зачем загадывать, милая... Что будет то будет! Лишь бы остался честным человеком!

IV

– Ну, а ты, Вася, как живешь? – спрашивал старший брат у Васи, подававшего Николаю мыться.

– Ничего, живу себе. На голову лить?

– Полей, голубчик... Вот так... Эко славно как! Перед обедом, Вася, купаться? Вода, я думаю, славная теперь, – говорил старший брат, с фырканьем вытираясь полотенцем. – А в академию скоро?

– Не знаю еще...

– Как не знаешь? Готовишься?

– Не очень. Не тянет меня академия...

– Так в университет, что ли?

Вася замахал головой.

– Так куда же?

– Разве надо непременно куда-нибудь?

– А то как же? Не недорослем же быть!

– Не по форме?

– Как это не по форме?

– Так, говорю: не по форме?.. Непременно надо?

Николай остановился и смотрел во все глаза на брата.

– Ты что, Коля, удивляешься так? – тихо спросил Вася.

– Да ты, Вася, чудак... Не сердись, голубчик, а ты чудак какой-то стал... Ведь надо же кончить курс!

– А ты почему знаешь, что надо?.. Как для кого!

Старший брат совсем был изумлен.

– Я думаю, для всякого.

– Это ты про диплом? Так, может быть, мне его не надо... А учиться и так можно, без диплома... Диплом этот для того, кто хочет потом людей морочить... Стара штука!

– Как людей морочить?

– Очень просто, как людей морочат... Мало ли морочат... А я не хочу...

– Ты какими-то загадками, Вася, говоришь... С папой говорил?

– Нет еще. Придет время – скажу!

– Это уж не Лаврентьев ли тебя первобытности учит?

– Ты, Коля, Лаврентьева не знаешь, так зачем ты смеешься? Лаврентьев – чудеснейший человек... Ты посмотри, как мужики его уважают... Он, брат, хоть и без диплома, а по совести живет... человека не теснит... Да ты, Коля, не сердись, пожалуйста... когда-нибудь, может, поговорим, а теперь не спрашивай.

Он замолчал. Потом, как бы спохватившись, продолжал:

– А ты с Лаврентьевым познакомься. Сам увидишь. Он тоже желает с тобой познакомиться. Статья твоя ему понравилась... Он тебе может много сведений сообщить... Он жизнь-то крестьянскую знает...

Это известие произвело на Николая приятное впечатление. Ему было лестно, что статья понравилась Лаврентьеву.

– А тебе понравилась?

– Понравилась и мне... только... ну, да не теперь... Я на нее заметку написал, – прибавил

Вася конфузливо. – После покажу... Так написал... для себя...

– Я познакомлюсь с Лаврентьевым. Сведи меня к нему.

– Отлично! – обрадовался Вася. – Ты увидишь, какой Лаврентьев.

- Ты, кажется, влюблен в него?
– Люблю... да его все любят. Один Кузька не любит. Собирается его извести. Только шалишь, брат!
- Какой Кузька?
– А живодер здешний... Кривошейнов.
Николай продолжал свой туалет. Вася внимательно оглядывал брата и заметил:
– Франт-то ты какой, Коля!
Старший брат вдруг вспыхнул.
– А по-твоему, надо неряхой быть?
– Да я так... Ты не сердись, брат.
– Я и не сержусь...
– То-то, а я было подумал...
Николай протянул руку.
– Ах, Васюк, Васюк, голубчик, кроткая ты душа! Не сердись и ты на меня... Ведь я спрашивал тебя, как брат... не желая оскорбить...
– Что ты, что ты, Коля! Да разве я обиделся? За что? – повторял он, крепко пожимая брату руку. – Я после тебе все расскажу, на каком основании я никуда не хочу... Ты умный, ты должен понять... Всякий по-своему... Вот если б я умел писать, как ты, то знаешь, что бы я сделал?
– Что бы ты сделал?
– Остался бы здесь да подробно и описал, как мужик живет, а то ведь в газетах все врут... Ах, если бы ты видел только, Коля, что здесь Кузька делает! И нет ему предела! – прошептал задумчиво Вася.
– Это всем хорошо известно, Вася.
– Нет, не говори. А, впрочем, тем хуже... Всем известно, и все смотрят!
«Странный брат какой!» – промелькнуло в голове у Николая.
Братья несколько времени молчали.
– Послушай, Вася, скоро Леночкина свадьба?
– Елены Ивановны? – поправил Вася.
При этом бледное лицо его вспыхнуло ярким румянцем.
– Ну да...
– Осенью, кажется... А что?
– Так спросил. Тоже старые приятели. А отец ее?
– Обыкновенно что: исправник, как и был! Еще папа его немного в страхе держит, а то...
– А Смирновых видел?
– Видел... Такая сорока, так и стрекочет, а барышни все об адвокатах да о литераторах... Слышал, как они маме в уши визжали! Ты хочешь с ними знакомиться?
– А по-твоему не стоит?
– Не стоит. Болтуны! Все эдак больше о возвышенности, а землю по десяти рублей сдают... Шельмы!
– Ты, однако, брат, сильно. Говорят, Смирнова умная женщина.
– Да кому от ума-то ее прок? – добродушно возразил Вася. – Вот и Бежецкий твой умный, а сам же ты говорил, на что пошел его ум... на мамону ⁵!
– Философ ты, как погляжу. Стоик ⁶! – заметил Николай, надевая жакетку.

---

⁵ Мамона – у некоторых древних народов бог богатства и наживы.

⁶ Стоик – человек, терпеливо переносящий жизненные испытания. Так называли последователей одного из философских учений Древней Греции, утверждавших внутреннюю независимость и непоколебимость человеческой личности.

Он был совсем готов. Свежий, красивый, в хорошо сшитом костюме, он глядел таким молодцом, что Вася, любуясь братом, воскликнул:

– И какой же ты, Коля, красавец!

Брат улыбнулся своей привлекательной улыбкой.

– Вещи твои убрать?

– Авдотья уберет.

– Все равно... Теперь мне нечего делать... я уберу.

– Ну, давай вместе.

Они принялись выкладывать платье, белье и книги из большого чемодана. Вася внимательно разглядывал книги и две из них отложил.

– Можно почитать?

– Разумеется... Ты что выбрал? – любопытствовал брат.

Вася назвал заглавия.

Николай шутя погрозил пальцем.

– Ишь к чему тебя тянет! – протянул он. – Смотри, Вася, с ружьем осторожнее: заряжено... Думал дорогой что-нибудь подстрелить... Дичи теперь, я думаю, много?

– Есть... наемни куропаток видел!

– А ты по-прежнему не любишь охоты?

– Нет. К чему я буду божью тварь убивать... потехи ради.

– Тогда и мясо есть не следует?

– Ну, это другое дело. А, впрочем, пожалуй, что и не следует! – заметил Вася. – Я думаю об этом.

– А пока ешь?

– Ем.

Николай рассмеялся.

– Ну, теперь пойдем, брат, в сад, туда к речке, а оттуда в малинник.

– Пойдем!

Они спустились в сад.

Николай весело пустился в самую глубь, ощущая полной грудью прелесть большого, тенистого, густого сада с вековыми деревьями. Ему было как-то весело, хорошо и привольно в этом гнезде. Хотелось резвиться, как школьнику. Они обошли весь сад. В малиннике, под палящим солнцем, прикрывшись платком, Николай ел ягоды с жадностью мальчишки. Потом зашли на огород, оттуда спустились к речке и пошли по берегу.

Деревня была как на ладони. На улице не было ни души. Деревня точно вымерла.

Они остановились.

– Ну, как наши живут – по-прежнему хорошо?

– Хуже.

– Разве и их ваш Кузька донял?

– Сюда пока не добрался... Неурожаи!..

– Пойдем-ка в деревню!

– Пойдем, если хочешь, только теперь никого дома нет. В поле все.

– Ах, я и позабыл! Так вечером?

– Ладно.

Они вернулись назад.

– Ах, мама, как у вас хорошо! – радостно говорил Николай, подбегая к Марье Степановне, которая беседовала о чем-то с поваром.

– Смотри, не соскучься. После Петербурга, пожалуй, и соскучишься!

– Что ты, мама! Я разве так целый день бездельничать буду? Я работу с собой взял... Что, Петр, – обратился он к старику повару, – опять на охоту будем ходить?

- Когда угодно, Николай Иванович. Я с радостью...
- Собаки вот нет...
- Найдем-с и собаку.
- Где?
- У дьякона есть собака.
- Ну, ладно. А ты, мама, по-старому хозяйничаешь?
- Да, Коля. Не хочешь ли покушать? Ты чаю один стакан пил.
- Нет еще. Да ведь обедать будем в два?
- В два, по-прежнему.
- Так через два часа и обед. Я лучше приберегу аппетит к обеду.

Николай прошел к отцу.

Кабинет Ивана Андреевича был большой, просторный, с мягкой, обитой темной кожей, мебелью. Вдоль стены тянулся большой шкаф, наполненный книгами. Другие стены были увешаны портретами разных знаменитостей науки, литературы и искусства. У открытого окна, выходящего в сад, стоял большой стол, за которым сидел Иван Андреевич и что-то писал. В комнате было прохладно, хорошо. Густая тень сада защищала комнату от солнца.

- Ты извини, папа. Я помешал тебе.
- Что ты!.. Садись-ка, Коля, голубчик.
- Ты чем это занимался?
- Записку, брат, сооружаю для доклада в будущее собрание.
- О чем, папа?

– Да помилуй, Коля. И без того мы деньгами не богаты, брать-то больше неоткуда, а наши земцы что выдумали! Понадобилась им, видишь ли, железная дорога. Они и хотят хлопотать, чтобы с гарантией земства построить дорогу, – ведь это новый налог на бедного мужика. Ну, разумеется, нашлись люди, которые в этой мутной водице рыбки хотят наловить.

- Ты дашь мне прочесть записку!
- Конечно, дам. Только сомнение меня берет, Коля: не напрасно ли я пишу?

Между отцом и сыном завязался разговор. Старик рассказывал Николаю о деятельности своей в последние два года. В словах его звучала унылая нотка. Он все еще не падал духом, все еще бодрился, но Николай заметил, что в эти два года Иван Андреевич потерял много прежних надежд. Иван Андреевич с грустной усмешкой говорил, что он в собраниях почти всегда в меньшинстве.

- Ты, как Прудон, один составляешь партию⁷.

Старик усмехнулся.

– Почти что так. Впрочем, два-три товарища иногда есть, а то больше один да один. И меня даже в беспокойные люди записали. Вот через месяц будет экстренное собрание. Поедем – увидишь.

- А ты все отдельные мнения подаешь?
- Подаю.
- И громишь своих противников?
- В последнее время, Коля, меня уже слушают не так, как прежде.
- А ты все громишь?
- Не молчать же! Если все замолчат, то что хорошего? Все капля точит камень. И о чем

иногда приходится спорить-то, брат!

Старик махнул рукой.

---

⁷ ...Ты, как Прудон, один составляешь партию – Прудон, Пьер Жозеф (1809-1865) – французский мелкобуржуазный социолог и публицист, один из основоположников анархизма. Не присоединился ни к одной из существовавших при нем во Франции политических партий.

– И чего беречься? – уныло прибавил он и замолчал. – Знаешь ли, просто стыдно в пятьдесят два года рассказывать. На днях ко мне приезжал председатель земского собрания, испуганный, взволнованный. Знаешь ли, зачем? Сообщить мне, что моя речь в последнем собрании показалась кому-то резкой, и его вызывали для объяснений. А знаешь, о чем говорил я эту зажигательную речь? – печально усмехнулся старик. – О том, чтобы земство ходатайствовало о соблюдении закона при взыскании недоимок. Это, видишь ли, деликатный предмет!.. Бедняга председатель просто насмешил меня своим страхом. Рассказал, что Кривошейнов сплетню в губернии пустил. Ему и поверили!.. Но ведь не может же так продолжаться, не правда ли? Еще немного времени – и ты, Коля, увидишь, что будет и на нашей улице праздник, взойдет и над нашей нивой солнышко.

Лицо Ивана Андреевича сияло надеждой, слова звучали верой.

– А пока будем, Коля, записки писать! Авось что-нибудь и выйдет. По крайней мере не даром бременишь землю! – весело прибавил Вязников, трепля сына по плечу. – Так ведь? Ну, а ты что с собой думаешь делать?

Из полуотворенной двери несколько времени как доносился чей-то свежий женский голос. Николай несколько раз прислушивался и поворачивал голову. Он только что хотел отвечать на вопрос отца, как на пороге появилась Марья Степановна, а из-за ее плеча выглядывало хорошенькое женское личико с синими глазами.

– Можно к вам, господа? – спросила Марья Степановна. – Я гостью привела.

– А, Леночка! Идите, идите сюда. Посмотрите-ка на нашего дорогого гостя!

В кабинет вошла молодая девушка в простеньком ситцевом платье, плотно облегавшем красивые, правильные формы. Хорошенькая головка, с приветливыми синими глазами, была окаймлена темно-русыми, откинутыми назад, короткими волосами. От нее веяло свежестью, здоровьем и какой-то задушевной простотой. Видно было, что она выросла на привольном воздухе.

Бойкой, уверенной походкой подошла она к старику, крепко, по-мужски, пожала ему руку и, протягивая потом маленькую, твердую руку Николаю, проговорила, слегка краснея:

– Здравствуйте, Николай Иванович.

– Здравствуйте, Лен...

Он запнулся.

– Елена Ивановна! Чуть было вас, по старой памяти, не назвал Леночкой!..

Она рассмеялась, открыв ряд белых зубов.

– Называйте, как хотите... Разве не все равно?..

– Ну, о здоровье вас спрашивать нечего: вы, Елена Ивановна, совсем цветете!

– И вы жаловаться, кажется, не можете на здоровье!..

Молодые люди весело глядели друг другу в глаза, как бывает между друзьями, давно не видавшимися друг с другом.

Незаметно вошел Вася и присел к сторонке, не спуская глаз с молодых людей, которые весело разговаривали.

Вася обратил внимание, что Леночка сегодня особенно принарядилась, заметил цветок в ее волосах, видел, как оживлено было ее лицо, вспыхивавшее по временам румянцем, и какое-то страдальческое выражение промелькнуло в его задумчивом взоре...

V

В молодой девушке Николай едва узнавал прежнюю Леночку.

Еще два года тому назад, когда он виделся с нею в последний раз, Леночка, только что окончившая курс в гимназии, казалась ему застенчивой, неуклюжей, доброй гимназисткой, скорее некрасивой, чем хорошенькой, с которой он привык обращаться с снисходительным покровительством старшего товарища и с тем ласковым пренебрежением к «девчонке», с каким обыкновенно молодые братья относятся к молодым сестрам. Главное дело в том, что Николай слишком привык к Леночке и в этой близости привычки не замечал того, что могли бы заметить посторонние. Они были товарищами с детства. Старики Вязниковы приласкали сиротку-девочку, лишившуюся матери, и каждое лето, с согласия ее отца, ближайшего соседа Вязниковых по имению и исправника, брали Леночку к себе. Маленькая, кругленькая, проворная и приветливая девочка скоро сделалась любимицей стариков и товарищем детских игр Николая. Николай прозвал Леночку за ее походку с перевальцем «перепелкой», держал ее в повиновении и привык считать Леночку своим верным и послушным товарищем. С годами эти товарищеские отношения продолжались по-прежнему. Когда Леночка сделалась гимназисткой, а Николай студентом, молодой студент старался развить наивную гимназистку, давал читать ей книжки и, довольный, что нашел в ней внимательную и усердную ученицу, с благоговением внимающую каждому слову учителя, иногда даже снисходил до спора с ней и даже распекал ее, когда Леночка, по его мнению, не обнаруживала быстрых соображений и не умела толково рассказать ему содержание прочитанной книги. Вместе со всеми домашними она разделяла обожание к молодому человеку, чуть-чуть побаивалась его, считала его неизмеримо выше себя по уму и развитию и нередко плакала, когда нетерпеливый учитель был недоволен своей усердной ученицей и называл ее глупой девчонкой. Но «глупая девчонка» тотчас же улыбалась счастливой улыбкой, когда Николай, после вспышки, с своей привлекательной простотой просил у Леночки прощения и называл ее умной девушкой. В его извинениях было столько искренности, столько сознания своей вины, что Леночка не могла сердиться и еще усерднее занималась книгами, которые давал ей молодой товарищ и учитель.

Оба они были слишком юны, слишком близкие товарищи, чтобы между учителем и ученицей могло возникнуть что-нибудь, похожее на чувство любви. По крайней мере Николай в этом отношении не обращал никакого внимания на молодую девушку, и в то время ему никогда не приходило в голову спросить себя: хороша или дурна Леночка? В его глазах она по-прежнему оставалась «перепелкой», славной, доброй девочкой, которую нужно развить, вот и все. И когда кто-то при нем сказал, что Леночка обещает быть очень хорошенькой, то Николай даже рассмеялся и иронически поздравил с этим мнением Леночку, не замечая, как в ответ на его слова Леночка побледнела и отвернулась, чтоб скрыть навернувшиеся слезы.

«Что в ней хорошего, в этой перепелке?» По мнению Николая, бедняжку Леночку природа не наделила красотой. Она была и мала ростом, и слишком румяна, и фигура ее напоминала кубышку. Она славная, хорошая, неглупая, эта Леночка, но какая она хорошенькая?

А теперь?

Теперь перед Николаем стояла как будто совсем другая Леночка, не та почтительная его ученица, которую он оставил два года тому назад.

Хорошо сложенная, стройная, вовсе не напоминавшая прежнюю перепелочку, девушка сияла привлекательной красотой, пышно развившейся на деревенском приволье. От нее словно веяло прелестью полевых цветов и здоровой свежестью раннего летнего утра. Что-то бодрое, смелое, располагающее было в этой крепкой, ширококостной, энергичной фигуре с маленькой головкой, откинутой немного назад. Загорелое и румяное лицо с большим прекрасным лбом, чуть-чуть приподнятым носом, полными щеками с родинками на них, дышало искренностью,

оживляясь приветливой улыбкой, скользившей по алым губам и светившейся в спокойном, твердом взгляде синих прекрасных глаз. Глядя на Леночку, как-то невольно хотелось сказать: «Что за славная девушка!» – и крепко пожать ее маленькую, твердую руку. В ее свободных, простых манерах было что-то напоминающее молодых англичанок девушек и русских студентов.

«Так вот она, Леночка!» – невольно подумал Николай, любясь бывшей своей подругой детства и чувствуя в то же время некоторое досадливое изумление, какое часто бывает, когда в прежнем ребенке встречаешь взрослого человека. Она закидывала его вопросами, а он слушал, едва поспевая отвечать, грудной с низкими нотами голос молодой девушки (этот голос удивительно к ней шел) и несколько дивился, что она говорит с ним не с прежней благоговейной почтительностью, а как равная с равным; не боится, видно, что он станет ее по-прежнему распекать, и рассуждает, как показалось Николаю, «очень уж солидно для своих лет». В ее встрече ясно проглядывало дружеское расположение, но Николай сразу почувствовал, что прежняя товарищеская короткость теперь невозможна. В нем инстинктивно сказался молодой мужчина, любующийся уже не товарищем, а красивой девушкой.

Прежняя Леночка исчезала в воспоминаниях детства и отрочества.

Николай был даже несколько сконфужен при виде этой перемены. Он никак не ожидал встретить такую Леночку.

– Однако вы переменялись-таки, Елена Ивановна, в эти два года. Вас и не узнать! – невольно воскликнул Николай.

– Переменялась? К лучшему или худшему?

– По праву старого приятеля откровенно скажу, что вы удивительно похорошели, это во-первых...

– А во-вторых? – нетерпеливо перебила Елена, краснея и нахмуривая с серьезным видом брови.

– А во-вторых, как погляжу, вы стали совсем солидным человеком. В эти два года вы, как видно, порешили все вопросы, над которыми – помните? – мы, бывало, оба ломали себе головы?

– И за которые мне доставалось от вас. Как не помнить! – с чувством проговорила Елена.

– Кто старое вспомянет, тому глаз вон! Забыли эту пословицу?

– Да ведь я это старое добром поминаю! – горячо возразила молодая девушка. – Я даже удивляюсь вашей доброте и терпению, с которыми вы тогда возились со мной. Только ничего не вышло! – добродушно прибавила она.

– Как ничего не вышло?

– Да так... я хотела сказать, что не то вышло, на что, быть может, вы рассчитывали. Помните, я вам даже писала об этом.

Николай вспомнил, что вскоре после разлуки с Леночкой получил в Петербурге несколько писем от молодой девушки, и теперь ему стало досадно, что он не отвечал на них.

– Вы не сердитесь, что я не отвечал вам?

– Что вы! За что сердиться? И что было отвечать? Теперь, в эти два года, я стала, как вы говорите, солидным человеком, хоть и не порешила всех вопросов. И куда мне решать их! Да и некогда было! На руках хозяйство отца, и скоро... вы, конечно, слышали? – прибавила тихо Елена.

– Простите. Я и забыл вас поздравить! – спохватился Николай. – Искренно желаю вам всего хорошего!

Он горячо пожал руку молодой девушки. А в то же время какая-то жалость сжала его сердце при мысли, что Леночка выходит замуж за Лаврентьева. Ему казалось, что этим шагом она ставит точку в своей жизни. «Дети, пеленки, хозяйство!» – промелькнуло в его голове, и он с каким-то сожалением взглянул на Леночку.

Елена, казалось, заметила этот взгляд и сказала:

– Вы не знакомы с моим женихом?

– Нет. Слышал много, но не знаком.

– Так я вас непременно познакомлю. Он тоже много о вас слышал.

– Хорошего или дурного?

– И того и другого! – смеясь отвечала молодая девушка.

– И превосходно: значит, не разочаруется.

– Как вы?.. – обронила Леночка.

– Вот тебе, Леночка, и другой шафер есть! – заметила Марья Степановна, подходя к молодым людям.

– Да, может быть, Николай Иванович не захочет?

– Выдумала: не захочет! Отчего ему не хотеть?

– Конечно, захочу. Я никогда не бывал шафером.

– Разве вы останетесь здесь до сентября? – с живостью подхватила Елена.

– Останусь.

– Не соскучитесь?

– Вот и мама о том же спрашивает. Мне даже это несколько обидно! Точно я должен в деревне скучать. У меня будет работа, буду с папой на земских собраниях... стану изучать деревню... На этот счет ваш жених просветит меня... И времени для скуки не будет! Наконец познакомлюсь с соседями, буду у Смирновых, стану ходить на охоту...

Елена улыбнулась своей добродушной улыбкой и промолвила:

– Люди здесь все обыкновенные... Разве вот Смирновы?

– Да разве мне необыкновенные нужны?

– Оригинальные! – поправилась Елена. – Ведь вы слишком требовательны... В Петербурге избаловались людьми, ну, а здесь... выбирать нечего.

Николай укорительно покачал головой и спросил:

– А вы, Елена Ивановна, знаете Смирновых?

– Нет, не знаю. Слышала, что она умная женщина и у нее хорошенькие дочери... Одну я видела: действительно красавица... только мне она не нравится...

– Отчего?

– Да так... не нравится, и все тут... Впрочем, быть может, я и ошибаюсь. Трудно судить о человеке с первого раза...

– Герцогиню валиет! – проговорил Вася, подымаясь с кресла.

– Наконец-то заговорил! – засмеялся Иван Андреевич. – Ты-то их почему знаешь?

– Видел.

– Видеть, брат, не значит знать!.. Ну, пойдемте, господа, обедать... Вон и Дарья идет докладывать, что суп на столе... Пойдем-ка, Николай! – прибавил старик, обхватывая своего любимца за талию. – Давно мы с тобой не сидели за столом, голубчик мой!

За обедом, весьма обильным и вкусным, – Марья Степановна просила повара постараться и нарочно заказала любимые Николаем блюда, – Николай говорил почти один. Он был особенно в ударе и говорил хорошо. Общее внимание и присутствие Леночки еще более возбуждали его. Он рассказывал о петербургской жизни, вспоминал профессоров, живо передал, какое впечатление произвели на него два известные писателя, с которыми он познакомился благодаря своей статье, обратившей внимание, и очаровал всех своей образной речью и меткими, полными ума, характеристиками. Когда зашла речь о будущей его деятельности, он еще более одушевился. Искренностью и горячим, бьющим ключом чувством звучали его слова, когда он говорил об обязанностях честного человека служить своему народу. Его до глубины сердца возмущала всякая подлость, лицемерие и неправда. Глаза его в это время зажигались ярким огоньком, придавая его привлекательной физиономии еще большую привлекательность.

Старик слушал сына, тихо улыбаясь, умиленный и радостный. «В Коле положительно ораторские способности! – мелькнуло у него в голове. – Он так превосходно говорит!» Мать восторженно любовалась сыном, сияя своей кроткой улыбкой. Елена жадно слушала, поднимая по временам глаза на оживленное, открытое лицо молодого человека, и даже Вася как-то замер под обаянием горячих речей брата.

Обед тянулся долго. Когда наконец Дарья принесла бутылку шампанского, старик сам откупорил ее, разлил искристую влагу по бокалам, поднялся и несколько торжественно проговорил:

– Ну, господа, поздравим нашего дорогого гостя с окончанием курса! Пожелаем ему остаться навсегда верным идеалам добра и гуманности, горячим, честным бойцом за правду. Я надеюсь, что ему не придется краснеть перед собой никогда!

Взволнованный Николай подошел к отцу. Слезы навернулись у него на глазах. Он горячо поцеловал старика и проговорил:

– Если кто научил меня любить правду, так это ты, папа!

– Будь же счастлив, мой мальчик! Будь счастлив, дорогой мой! – повторил старик дрожащим от волнения и чувства голосом.

Все горячо поздравили Николая.

Марья Степановна прослезилась от умиления. Вася подошел к брату, поцеловался с ним и как-то восторженно, немного конфузясь, прошептал тихим, нежным голосом:

– Славный ты, Коля!..

А Леночка не сказала никакого приветствия. Она только крепко пожала руку молодому человеку, чокаясь бокалом, и после этого вся притихла.

Счастливым, радостным, умиленным, принимал Николай горячие приветствия своих близких. Лицо его горело смелой уверенностью молодости. Ему было в эти минуты так хорошо, что хотелось всех обнять и расцеловать. Все люди казались ему славными и добрыми, а сам он, переполненный надежд и веры в себя, чувствовал тот избыток молодой силы, который в молодости заставляет высоко поднимать голову и горячо верить, что для нее в жизни нет препятствий, которых бы нельзя преодолеть. Стоит только захотеть – и можно горы двинуть во имя правды и добра. В эту минуту никакой подвиг не казался ему страшным. Он готов был совершить его тотчас же.

– А что же няни нет? Надо, чтобы и она выпила! – заметил Николай.

Он налил бокал и пошел к няне.

Старуха сидела в своей крошечной комнатке за чулком, когда вошел молодой человек.

– Няня... выпей... поздравь меня...

– Родной, и меня вспомнил!

Она взяла дрожащей, иссохшей рукой бокал из рук Николая, осушила его залпом и проговорила:

– Будь здоров, Коля. Да хранит тебя царица небесная, моего голубчика!

Молодой человек расцеловал старушку. Заметив в коридоре повара Петра, тоже желавшего поздравить барина, он подошел к нему и, в ответ на приветствие Петра, к некоторому его изумлению, крепко пожал не совсем опрятную руку и возвратился в столовую.

Чай подали на террасу в сад. Все долго сидели за чаем, не замечая, как идет время...

VI

Под вечер пошли гулять.

– Прежде осмотрим наши владения, Николай. Ведь ты два года здесь не был! – проговорил Иван Андреевич.

– Осмотрим наши владения, папа! Осматривать их, я думаю, недолго. Наши владения не велики!

– Не очень обширны! – засмеялся отец.

Николай весело заглянул в пустой амбар; побывал в людской, где старая стряпуха с слезящимися глазами и седой косицей, вылезавшей из-под платка, радушно приветствовала господ; потрепал на конюшне старого «Ваську», выпил стакан молока на скотном дворе и познакомился на мельнице с новым мельником. Он с удовольствием осматривал знакомые родные уголки, где протекла большая часть его жизни; все привлекало его, все как будто получало новую прелесть. Полной грудью, чувствуя себя необыкновенно счастливым, вдыхал он чудный воздух деревни и внимательно слушал, когда отец пустился было объяснять сыну, как идет хозяйство. Старик, впрочем, часто путался. Николай очень хорошо видел, что отец за эти два года не изменился и так же плох по хозяйству, как и прежде. Марья Степановна подросла на выручку и толково объяснила, сколько у них под запашкой земли, сколько накашивается сена, сколько скота и т.п.

– Мама по-старому хозяйничает?

– Мама! Она у нас молодец на все руки. Если б не мать, то совсем бы скверно. Я, ты знаешь, плохой хозяин! – проговорил Иван Андреевич.

– Некогда тебе этими мелочами заниматься! – вставила Марья Степановна.

Старик весело подмигнул Николаю и засмеялся.

– Хороши «мелочи»!.. Она у нас с зари на ногах. Просто не способный я для хозяйства человек... Так только посматриваю себе, а мать, спасибо ей, всю эту обузу на себе несет!

Оказалось, что дела идут неважно, несмотря на энергию и старания Марьи Степановны. Имение не дает почти никакого дохода. Приходится трогать лес или проживать небольшой капитал, бывший у Вязниковых.

– Почти весь и прожили! – угрюмо проговорил Иван Андреевич.

– У всех, Коля, плохо дела идут! – как бы оправдывалась мать. – Все жалуются. Жизнь дорога.

– Только и хорошо, Коля, тем, кто совести не знает, – прибавил Иван Андреевич. – Оно, пожалуй, можно мужикам землю сдать по хорошей цене – мужики дадут! – усмехнулся отец. – Вот у Кривошейнова доходы большие!

Николай с каким-то восторгом взглядывал то на отца, то на мать.

«Какие они у меня хорошие!» – думалось ему.

– Ничего, проживем! – весело воскликнул Николай. – Теперь и я на ногах!

С мельницы повернули в деревню. Деревня была с виду неказиста. Тесным рядом ютились одна подле другой почерневшие избы по бокам широкой улицы. На улице возились в грязных рубашонках чумазые ребяташки. У завалин сидели старухи, греясь, как черепахи, на солнышке. Народ не возвращался еще с поля. Иван Андреевич с Николаем зашли в одну избу. Их так и обдало спертым, прокислым запахом. На скамье совсем ветхий старик плел лапоть. При входе гостей он пристально взглянул старыми слезящимися глазами и не сразу узнал господ.

– Здорово, Парфен Афанасьевич!.. – проговорил Иван Андреевич. – Вот сына старшего привел. Сегодня только приехал.

Николай подошел к старику и протянул ему руку.

– Не узнаешь разве, Парфен Афанасьевич?

– Как не узнать!.. Здравствуй, Николай Иванович, здравствуй! Бог тебе в помощь. Ничего... парень славный, чистый парень! – прошамкал он, присматриваясь к молодому человеку.

– Как здоровье? – спрашивал Иван Андреевич. – Ты, слышал я, хворал?

– Еще земля носит, Иван Андреевич, носит еще!.. Ноги вот одолели... не могу владеть ногами, а то слава тебе господи. Спасибо барышне – мазью мажет. Быдто и легче. Не забывает больного.

С минуту они побыли в избе и вышли.

– Бедность, как посмотрю! – проговорил Николай.

– Неурожаи все были!..

– Плохо живут, по-старому?..

– Скверно.

– И все на бога надеются?..

Старик промолчал.

– Какая это барышня к старику ходит?

– Леночка... Она у нас тут за доктора. Неутомимая!

– Вот она какая! – протянул Николай.

Из деревни прошли в поле. По дороге встречались мужики и бабы, возвращавшиеся с работы. Все приветливо раскланивались с Вязниковыми. Все мужики и бабы казались Николаю сегодня особенно хорошими. Он был в самом идиллическом настроении. Все его восхищало, ко всему он относился тепло и сочувственно.

Уже смерклось, когда вся компания возвращалась домой.

– Елена Ивановна!.. – проговорил Вася, до того молча шедший рядом с Еленой. – Вы, верно, забыли? Мне сказывал Григорий Николаевич, что он сегодня зайдет к вам!

– Спасибо, Вася, что напомнили! – вспыхнула Елена. – Знаете ли, о чем я попрошу вас? Сходите к нам и скажите, что я останусь здесь!

– Остаетесь? – прошептал юноша упавшим голосом.

Елене показалось, что в голосе его дрожала скорбная нотка. Она вспыхнула.

– Да, остаюсь. Что же тут удивительного?

Она засмеялась, но смех ее был какой-то ненатуральный.

– Вы, Вася, скажите Григорию Николаевичу... Впрочем, нет... ничего не говорите. Просто скажите, что я сегодня не буду дома!

– Я скажу... Я ничего... Я так!.. – пролепетал Вася, смущаясь еще более и как-то неловко ступая своими длинными ногами. – Вы не сердитесь, Елена Ивановна, пожалуйста!

– За что сердиться? – с живостью возразила Леночка. – Вы просто глупости говорите.

– Это правильно! – добродушно промолвил Вася. – Глупости! Это вы верно... А мне показалось...

Он что-то еще хотел сказать, но слова, видно, не слушались его и засели в горле. Он улыбнулся кроткой улыбкой и счел долгом еще раз повторить: «Пожалуйста, не сердитесь! – причем это извинение у него выходило такое комичное, что Леночка улыбнулась.

– Я сейчас же иду, Елена Ивановна!

С этими словами он повернул назад и быстро зашагал по дороге.

– Ты куда это, Вася? – окликнул Николай.

– К Лаврентьеву.

– Приходи скорей, Васюк!

– Ладно.

– Странный этот Вася! – невольно вырвалось у Елены.

Ей вдруг почему-то захотелось вернуть его и идти домой, где ждал ее жених. Она колебалась, медлила и... тихо подвигалась вперед. Она решила остаться. С Лаврентьевым она уви-

дится завтра и объяснит ему, почему не пришла. Она так долго не видела старого товарища детства, она так давно не слыхала горячих, волнующих речей, полных какой-то неопределенной и заманчивой прелести. Среди будничных забот эти речи казались праздничным колоколом, зовущим куда-то вдаль, где жизнь, мнилось, получала высший смысл и значение.

«Какой он стал красавец!» – неожиданно вспомнила Елена и вслед за тем почувствовала, что краска стыда разлилась по ее лицу, охватила ее шею, охватила все существо. Она старалась отогнать от себя эти мысли, но какой-то голос шептал ей: «Красавец, красавец!» Все шептало об этом: и тихий вечер, спустившийся на землю, и ярко мерцавшие звезды, и таинственный шелест наливавшихся колосьев, и дивный воздух, полный благоухания и прелести.

«Красавец, красавец!» Эти слова точно носились в воздухе.

Когда вошли в столовую, где на столе уже тихо шипел самовар, Николай заметил, что Леночка вдруг сделалась необыкновенно серьезна и сдержанна; ее синие глаза смотрели строго, и брови сурово сдвинулись; она так сухо ответила на шуточный вопрос Николая: «Отчего так задумчива ты?» – что Николай оставил ее в покое и с аппетитом принялся пить чай с густыми сливками, заедая домашней сдобной булкой и похваливая и чай и булку.

Отец с сыном окончили вторую партию в шахматы, а Марья Степановна уже клевала носом. Леночка сложила свою работу и стала прощаться.

Пробило девять часов, а Вася не возвращался.

– Куда же вы одна, Елена Ивановна? Я вас провожу! – сказал Николай.

– Не надо. Я и одна дойду – близко.

– Как хотите, а то я бы проводил.

– Конечно, проводи, Николай! – проговорил Вязников. – Нечего вам, Леночка, храбриться. Все лучше, коли проводят!

– Да я не боюсь. Николай Иванович, верно, устал с дороги?

– Еще будет время выспаться; а вы, барышня, не церемоньтесь с старым товарищем. Одевайте шляпку и пойдемте. А уж ты, мама, дремлешь?

– Нет... я не дремлю!.. – встрепенулась Марья Степановна, открывая глаза.

– По-старому! – засмеялся Николай, обнимая мать. – Сама дремлет, а говорит, что нет. Иди-ка, мама, спать. Ты ведь рано встаешь. Помнишь, как я ребенком все тебя спрашивал, хороший ли я сон увижу, а ты мне всегда говорила, что хороший... И ведь всегда хорошие сны снились, точно ты умела посылать славные сны.

– Еще бы не помнить!

– Я часто вспоминал в Петербурге об этом перед экзаменами. Как нарочно, все худые сны снились, и некому было мне пожелать хороших снов. А теперь нечего и спрашивать: я знаю, сны будут так же хороши, как и все вы...

Марья Степановна несколько раз поцеловала сына и перекрестила его. А он горячо целовал ее руку и глядел на нее с восторгом влюбленного. Он и в самом деле влюблен был в мать.

– А с тобой, папа, еще увидимся?

– Я поздно засыпаю. Зайди, как вернешься.

– Пойдемте, Елена Ивановна... Какая чудная ночь! – проговорил Николай, спускаясь с террасы. – Мы какой дорогой пойдем? Ближней – через лес? Вы не боитесь?

– Чего бояться?

– Мало ли чего? Хотя бы своего воображения. Впрочем, вдвоем не страшно, да и светло... Ишь луна какая сегодня, точно бледнолицая красавица. Посмотрите, как красив теперь сад. Да куда вы так торопитесь, Елена Ивановна? – остановил Николай, догоняя молодую девушку.

– Я всегда так хожу.

– Давайте-ка вашу руку, а то вы опять уйдете – догоняй вас! – заметил Николай тем товарищески фамильярным тоном, каким, бывало, говорил с прежней Леночкой.

Елена покорно протянула свою руку.

– Так-то лучше! – промолвил Николай.

Они шли не спеша, направляясь к лесу.

Они шли первое время молча. Елена, казалось, не имела намерения вступать в разговор. Она шла, опустив глаза вниз, погруженная в раздумье. Молодой человек искоса посматривал на свою спутницу, любуясь ее красивым, строгим профилем. Теперь, под обаянием чудной ночи, при бледном свете луны, Леночка казалась ему несравненно лучше. Ему стало снова жаль, что она выходит замуж.

Пропадет она совсем, отупеет. «Будет нянчить, работать и есть!»⁸ – припомнился ему некрасовский стих. Нежное чувство закрадывалось ему в сердце. Положительно ему жаль Леночку. Она такая славная девушка, полная хороших стремлений, и – что ее ждет?

«Неужели она любит дикого человека? Чем он мог пленить ее?»

Молодой человек опять взглянул на Елену. «Как она хороша!» Взгляд его скользнул по ее роскошному стану и остановился на маленькой ноге, мелькнувшей из-под приподнятого платья.

– Что ж, мы молчать будем? Два года не видались, – кажется, есть о чем поговорить.

– Говорите, я буду слушать!

– Я много говорил, теперь ваш черед. Расскажите о себе: что вы делали, о чем думали, что читали, о чем мечтали в эти два года?

– Мне нечего рассказывать. Вы все уж знаете. Жизнь моя прошла самым обыкновенным образом. Кое-что читала, а больше хозяйничала...

– И впереди опять одно хозяйство?

– А то как же... Не сидеть же сложа руки!

Они приблизились к опушке и вошли в лес. На них сразу пахнуло свежестью и лесным запахом – запахом грибов и сырости. Луна пробегала за облаком. В лесу было совсем темно и торжественно тихо. Приятно и жутко было среди мрака и тишины. Какой-то таинственный, тихий шорох стоял среди лесной чащи. Откуда-то доносилось журчание воды. Протяжно прокуковала кукушка, вслед за тем внезапно шарахнулась между деревьев птица. И снова в лесу стало тихо.

Молодые люди дышали полной грудью.

– Как хорошо здесь! – протянул Николай.

– Да, хорошо! – тихо ответила Елена.

Среди тишины и мрака леса невольно говорилось тише. Звуки становились мягче и таинственней, как будто страшно было разбудить громким голосом спящую лесную глушь.

Они пошли еще медленнее, осторожно ступая по песчаной дороге, усеянной сучьями. Николай придвинул к себе руку, и Леночка плотней прижалась к молодому человеку.

– Помните, как мы с вами, бывало, боялись ночью этого леса? Вы помните?

– Помню.

– А помните, как вы однажды заблудились вечером, и мы с Васей нашли вас?

– Помню.

– Хорошо было тогда... Да и теперь отлично! – проговорил под наплывом чувства Николай. – А время-то как пролетело... Кажется, давно ли мы с вами боялись этого леса, а вот теперь не боимся. Вы вот уж и замуж выходите. Скоро ваша свадьба?

– Через полтора месяца.

– Так скоро? – вырвалось у Николая.

– Да, скоро.

Опять оба замолчали. Елена прибавила шагу.

---

⁸ «Будет нянчить, работать и есть!» – Неточная цитата из стихотворения Н.А.Некрасова «Тройка» (1846).

– Пойдемте поскорей! – нетерпеливо произнесла она.
– Куда вы бежите? Здесь так славно, так хорошо.
– Тетя будет беспокоиться.
– Бог с ней, с тетей! А вы так и не хотите рассказать старому товарищу о себе. «Занималась хозяйством, буду заниматься...» Ведь этого мало. Разве вы только и делали?.. По скромности вы даже скрыли, что мужиков лечите. Видно, доктор не ездит?

– Ездит, но редко.

– А лечите самоучкой?

– Самоучкой.

Николай тихо засмеялся.

– А еще что делали?

– Да больше ничего, кажется. Теперь иду замуж! – тихо прибавила она.

– Тихая пристань!..

– К чему бури? Я человек мирный, бурь не ищу. Бог с ними!

– И счастливы?

– Странный вопрос! Конечно. Меня никто не неволил идти замуж, да и никто не приневолит. Хочу – иду, хочу – нет.

– Я не о том. Это дело вашего сердца.

– О чем же?

– Вы как будто другая стали. Неужели мысль ваша не рвется к свету, на простор?

– Значит, не рвется.

– А прежде, помните?

– Мало ли что было прежде! – резко проговорила Елена.

– Вы лжете, Леночка! – воскликнул Николай. – Этого не может быть! В двадцать два года нельзя подвести итоги. Или вы думаете, что образование и развитие вздор... лишняя роскошь, глупости одни? Сегодня меня уж поразил Вася, но Вася странный мальчик. Может быть, и жених ваш так смотрит? Ну, тогда поздравляю вас... поклонников непосредственности...

– Напрасно вы горячитесь... Жених мой так не смотрит.

– Но вы-то... вы? Вы хотели учиться... Все, значит, побоку? Можно лечить самоучкой? – усмехнулся молодой человек. – Можно думать, что земля на трех китах стоит. Для домашнего обихода этого довольно?.. Ах, Леночка, Леночка (Николай и не замечал, что называл свою спутницу Леночкой), и для домашнего обихода этого мало.

Николай даже разгорячился. Если б он мог видеть лицо Елены, то, вероятно, не бросил бы ей таких упреков.

Она не отвечала ничего, только прибавила шаг.

– Вы простите старому приятелю. Ведь я по дружбе.

– Я не сержусь!

Она произнесла это «я не сержусь» таким тихим, покорным голосом, что Николаю вдруг стало невыразимо жаль ее. Они были близко к выходу из леса. Луна выглянула из-за облаков и обдала их серебристым светом. Николай взглянул на Леночку и сразу понял, как грубо и безжалостно он говорил с ней. Лицо молодой девушки поразило его своим страдальческим видом. Он более не начинал разговора. Молчала и Леночка под обаянием дыхания летней ночи. Потребность любить и быть любимым вдруг охватила все существо молодого человека нежным, теплым чувством. Молодая страсть рвалась наружу. Какое-то неопределенное чувство тоски и томления подступало к самому сердцу. Он забыл все свои наставления, забыл, что Леночке надо учиться. Он чувствовал только прелесть ночи, близость молодого, красивого создания и прилив страсти. Он любовался Леночкой, любовался ее лицом, ее станом, чувствовал, как трепетно бьется ее грудь, и никакие слова не шли на уста.

Они вышли из леса. Невдалеке замигали огоньки усадьбы.

В это время из лесу, где-то близко, раздались звуки песни. Мужской твердый голос пел одну из русских песен и пел превосходно. Ширью, страстью и тоской звучала эта песня, разлетаясь по лесу. В скорбных звуках было что-то щемящее, прямо хватающее за душу.

Николай остановился и не заметил, как вздрогнула рука Леночки.

– Какой чудный голос! – прошептал он. – Послушаем.

– Нет, пойдемте. У меня голова болит!

С этими словами она выдернула руку и быстро пошла вперед.

– Славно наш народ поет! – проговорил, догоняя Леночку, Николай. – Сколько чувства, сколько выражения. Так петь, как этот мужик пел, может только человек с душой.

– Это не мужик пел.

– Что вы? Манера мужицкая... Сейчас видно.

– Я знаю этот голос и знаю эту песню.

– Кто ж это пел?

– Лаврентьев пел! Он славно поет!

– Жених ваш? Вот никак не думал! – проговорил Николай, как будто несколько разочарованный. – Что ж он по лесу бродит?

– Верно, меня дождался, а теперь возвращается домой.

Они пошли к дому. Большая мохнатая собака бросилась с лаем к Леночке.

– Здравствуй, Фингал, здравствуй!

Фингал замахал хвостом и потом осторожно обнюхал Николая.

Николаю было грустно, что прогулка так скоро кончилась. Ему хотелось еще гулять. Он протянул руку, крепко пожал Леночкину руку и вдруг проговорил:

– Простите меня, Леночка. Вы славная девушка, и дай вам бог счастья.

Он прикоснулся губами к ее руке и сказал:

– Вы любите его! И он, верно, вас любит. Вы стоите любви!

И снова поцеловал Леночкину руку.

Молодая девушка быстро отдернула руку и скрылась в дверях, а Николай тихо побрел домой, нарочно замедляя шаги.

Николай зашел к отцу, – старик еще не ложился: он сидел за французской исторической книгой, – и простился с ним, заметив, что устал с дороги. Он прошел к себе в комнату – хорошо знакома была ему эта комната! – и стал раздеваться. Он заглянул было в комнату брата, но там было темно. Николай окликнул Васю. Ответа не было.

– Верно, спит!

Через минуту он уже лежал в чистой, мягкой постели, с наслаждением потягиваясь и предвкушая сладость сна. Он скоро погасил свечку, повернулся на бок, и разнообразные отрывки мыслей бродили беспорядочно в его голове. То думалось о Леночке... «Зачем она замуж выходит!» И образ красивой девушки мелькал в его воображении. Славная она, хорошая!.. Образ Леночки сменялся другим образом, молодым и тоже красивым. Он вспомнил сестру Бежецкого. И та славная! Потом мечты забродили о будущем. Что будет? О, вероятно, будет хорошо, отлично будет. Ему представлялось, как он будит общество своими громовыми, горячими статьями. Его все знают, лучшая часть общества его уважает. Он знаменитый писатель. Но вдруг на смену является другая картина. Он в суде и защищает – даром, разумеется, – несчастного вора. Речь его льется свободно, горячо. Масса публики жадно слушает его. Судьи даже встrepенулись, а прокурор совсем смущен. Он кончил и ждет... Выносят оправдательный приговор. Он жмет руку оправданному. Он счастлив и горд. Он не похож на своих собратьев. Он обелять не будет... Он будет по совести... Опять новые картины: то он профессор, то он в далеком захолустье, после того как послужил честному делу, но он скоро возвращается, и все приветствуют его. Мысли начинали путаться. Приятное ощущение дремоты начало охватывать его. Мозг ослабевал. Он испытывал ощущение усталости и безотчетного счастья, вспо-

миная, что он дома, в родном гнезде, и что у него такие чудные старики, и что его все любят. Ему послышался чей-то голос вблизи, спрашивающий: «Ты спишь, брат?» Он слабо пролепетал: «Хорошо жить, Вася, хо-ро-шо!» – и чувствовал, что язык больше не служит. Он засыпал крепким, чудным сном молодости, счастливым, добрый и готовый на все хорошее.

В то самое время Леночке не спалось. Она пришла в свою комнатку, маленькую опрятную комнатку, хотела было раздеваться, но сняла только платье, подошла к окну, да так и осталась у растворенного окна, всматриваясь вдаль сосредоточенно и строго. Она долго стояла, потом взмахнула головой, словно желая отогнать неотвязные мысли, присела на кровать, медленно разделась, легла в постель, но заснуть не могла. В ушах ее еще стояли слова упрека и скорбная песня в лесу, а перед ней, как живой, носился образ Николая, такой хороший, привлекательный...

Леночка приподняла с подушки голову. Слезы текли по ее лицу...

– Это... все глупости! – прошептала она наконец, бросаясь на подушки. Из отворенного окна доносились какие-то тихие, жужжащие звуки ночи и словно дразнили ее... – Глупости, – повторила она, – глупости!

Вася, вернувшийся позже брата, вошел к нему со свечкой в руках и, увидав, что брат засыпает, прошел к себе, достал из стола тетрадь и, по обыкновению, стал записывать свои заметки и впечатления. Заметки эти были очень странные и самые разнообразные, с которыми читатель познакомится в свое время. Он долго сидел; потом, окончивши это дело, разделся и занялся гимнастикой: приседал, двигал руками, вдыхал грудью, и все это самым серьезным образом. Потом попробовал мускулы на руках и, довольный, что порядочные желваки были крепки, когда он сгибал руку, Вася снял тюфяк с кровати, лег на тощей соломенной подстилке, затушил свечку и долго еще лежал с открытыми глазами, размышляя о словах брата.

VII

Неделя пролетела незаметно. Николай ходил на охоту, гулял с братом, – Вася, к некоторой досаде Николая, все еще ему не «открывался», – спорил слегка с отцом, вволю ел и отсыпался. Он принялся было за работу, начал писать статью, исписал листа два бумаги и бросил – не писалось. Хотелось отдохнуть от петербургской жизни и поленился на деревенском приволье. Давно ему не жилось так беззаботно, как теперь. Однако через неделю он начал скучать. Людей не было, без людей скучно.

Леночка несколько дней не показывалась. «Уж здорова ли наша Леночка? – беспокоилась добрая Марья Степановна. – Не случилось ли чего с ней?» И Николаю было скучно без Леночки. Он отправился ее навестить.

Через хорошо знакомую калитку вошел он в небольшой молодой сад, прилегавший к новому маленькому серому дому. Он прошел сквозь ряд фруктовых деревьев и невдалеке от террасы увидел Леночку и тетку за варкой варенья. Солнце жгло невыносимо – было около полудня, – и Николай истомился от жару. «И как это им не жарко на припеке варить варенье!» – подумал он, подходя к ним.

Тетка Леночкина, Марфа Алексеевна, родная сестра Леночкина отца, толстая, жирная, рыхлая женщина, лет под пятьдесят, вся раскрасневшаяся и истомленная, в грязном капоте, слегка вскрикнула при виде гостя, обрадовалась и почему-то стала извиняться. Леночка молча поздоровалась с Николаем и продолжала снимать ложкой пену с шипящей жидкости, в которой подпрыгивали крупные вишни. Пока Марфа Алексеевна извинялась и звала Николая в гостиную, он взглянул на Леночку и... и сегодня она ему показалась совсем не такой или по крайней мере не совсем такой, какой была тогда при лунном освещении. Сегодня она была какой-то будничной. Одетая она была слишком уж по-домашнему, без корсета, руки были запачканы, на пальцах ее, заметил он, виднелись черненькие точки – следы иголки – и ногти ее не отличались чистотой. Лицо ее пылало от жара, и крупные капли пота струились по лицу. По-видимому, она так была занята своим делом, что и не обращала внимания на Николая. Это его кольнуло.

– Пойдемте-ка, Николай Иванович, в гостиную. Эка жарю-то какая здесь! Пойдемте... Ишь какой вы молодец стали!

Марфа Алексеевна, грузно переваливаясь и вздыхая, поплелась в дом, и Николай за ней.

– А ты, Леночка? Брось варенье и ступай к нам, а не то Аксинью позови.

– Сейчас, тетя.

В гостиной, увешанной довольно плохими литографиями, с обстановкой средней руки, Марфа Алексеевна тяжело опустилась на диван и, указывая на кресло гостю, проговорила:

– А мы по-прежнему. Братец все в разъездах. Нынче пошли строгости. Дел... дел-то сколько. Во все глаза гляди. Все нынче бунтовать стали! – добродушно прибавила старуха. – О-ох, жарко... Все... Ты думаешь, он смирный человек, а глядишь – бунтовщик. Посудите, в эдакую-то жару да братцу по уезду рыскать! И к чему бунтовать? Только братцу лишние хлопоты!..

Она принялась, по обыкновению, жаловаться на обстоятельства, на дороговизну и все вздыхала, верней от жара, чем от плохих обстоятельств, и Николай обрадовался, когда вошла Леночка и тихо присела на кресло.

– Спасибо вот Леночка помогает, а то одной... С рабочими что горя...

– Ну уж вы, тетя, всегда жалуетесь!.. – заметила Леночка серьезно.

Разговор продолжался на эту тему. Гостю предложили чаю. «Какой теперь чай!» – подумал он – и отказался. От водки тоже.

– А вы нас совсем забыли, Елена Ивановна. Мама даже беспокоится!

– Хлопот было много.

– А по вечерам?

– По вечерам к ней жених ходит. Скоро вылетит птичка из гнездышка! – протянула тетка. – О-ох, как-то я тогда управлюсь... У Смирновых, чай, были?

– Нет еще... Собираюсь.

– Не были? – повторила Леночка.

– Не был. Вы что так спрашиваете?

– Да как же... У них интересно должно быть. Я слышала, там гостит знаменитый петербургский адвокат Присухин и какой-то молодой ученый из Петербурга. Люди все развитые... И барышни тоже развитые...

Она подчеркнула слово «развитые».

Николай пристально взглянул на Леночку. «Смеется она, что ли?» Кажется, нет. Лицо ее совсем спокойное, только верхняя губа слегка вздрагивает да голос чуть-чуть дрожит.

– Так-то вы, Елена Ивановна, прощаете? Не ожидал я от вас этого.

– Ну, ну, не сердитесь. Я пошутила, право пошутила! – промолвила Леночка и вдруг вся просияла.

– О чем это вы? – прошептала Марфа Алексеевна.

– Так, тетя, спор был у нас.

Николай посидел еще немного, поболтал с Леночкою; Марфа Алексеевна все тянула унылую нотку о дороговизне и смутах, по поводу которых так часто приходилось разъезжать ее братцу – она с комичным добродушием смешивала и дороговизну и смуту. (Два года тому назад, вспомнил Николай, она все жаловалась на мужиков.) Он стал прощаться.

– Смотрите же, Елена Ивановна, не забывайте нас. Мама без вас скучает. Придете?

– Приду как-нибудь.

– Не как-нибудь, а поскорей приходите. Скоро ведь вас и совсем редко будешь видеть.

Леночка проводила Николая до калитки, крепко пожала ему руку и долго еще смотрела вслед.

Потом тихо повернула назад и принялась варить варенье.

– Пожалуй, Смирниха окрутит молодца! Ты как, Лена, думаешь? – заметила Марфа Алексеевна, выходя на террасу. – Она женихов ищет, как кошка мышей...

– Да вы почему знаете?

– Знаю, мать моя. Я все знаю. Мне ихняя ключница все говорила. Девки на возрасте.

– Охота вам, тетя, всякие сплетни слушать. Что Вязников – мальчик, что ли?

– Хитры они. Старшую-то как выдали... слышала?..

– Не хочу я слушать.

– А ты чего взъелась? Ну, не хочешь, как хочешь! – равнодушно ответила Марфа Алексеевна. – Мне что, мне все равно. Жених только он подходящий. У старика-то деньги припрятаны...

– Вы видели?

– Недаром опекуном был десять лет.

– Тетенька! Я прошу хоть при мне-то гадостей этих не говорить. Иван Андреевич... это такой святой человек.

Голос ее дрожал от волнения.

– Да что ты в самом деле на стену лезешь? Ишь как расходилась! Ну, святой так святой... почему я знаю. Им же хуже! Горячишься, глупая, из-за пустяков. И без того жарко. О-о-ох! Пойти, что ли, полежать перед обедом!..

Марфа Алексеевна покачалась в раздумье и скрылась в комнату.

– Хороши пустяки! – в волнении шептала Леночка. «Не женится он ни на одной из Смирновых! Этого не может быть!» – подумала она.

Возвращаясь домой, Николай даже усмехнулся, припоминая, что сперва он возлагал такие надежды на Леночку и пробовал было «разбудить дремавшую мысль».

«Настоящая ее сфера – нянчить, работать и есть. И, кажется, ничего другого и не надо ей. А я вообразил было... Прехорошенькая из нее будет самочка, если только она не распустится совсем с диким человеком!» – решил Николай.

Ему сначала показалось, что выход Леночки замуж таит в себе какую-нибудь драму – он очень любил драматические положения, – и все ждал, что Леночка откроется своему товарищу. Оказывалось теперь, по его мнению, что никакой драмы нет. Никто ее не заставляет. Понравился барышне дикий человек. «Только как он мог понравиться?» Николаю сделалось даже обидно, что его труды по развитию Леночки пропали даром.

«Не моего она романа!» – повторил он.

На следующий день отец с сыном собрались к Смирновым. Давно уже следовало отдать им визит, но Вязников день за день откладывал, поджидая приезда Николая. Старику хотелось похвастать перед Смирновыми сыном. Марья Степановна наотрез отказалась ехать. Во-первых, некогда и, во-вторых, что она будет там делать? Она вообще не любила выезжать и показываться в люди, хотя и рада была принимать у себя. «Уж поезжайте вы одни да извинитесь за меня, домоседку!»

В двенадцатом часу коляска, запряженная тройкой неважных лошадей, стояла у крыльца, и старый, сухощавый Фома – он же и садовник – молодежато сидел на козлах, облекшись в старенький летний армяк, сидевший, впрочем, на Фоме довольно неуклюже.

Николай только что окончил туалет и вышел в гостиную в сопровождении Васи, который старательно смахивал щеткой пылинки с новой пары брата и, казалось, принимал большое участие в этом деле, хотя и говорил раньше, что нет ничего любопытного у «этих трешток».

В новой щегольской паре, в белоснежной рубашке, приодетый и прифранченный, Николай был совсем изящным молодым человеком, который ни в каком обществе не ударит в грязь.

Отец дожидался сына. Он тоже приоделся – расчесал свою красивую бороду, пригладил седые кудри и натягивал перчатки. Любо было глядеть на отца и сына.

– Смотри, Коля, не сведи ты с ума Смирновых! – шутя проговорила Марья Степановна, восхищаясь своим красавцем.

– Не беспокойся, мама, не сведу и сам не сойду!

– Хвались, хвались! Барышни очень хорошенькие и не глупые. Особенно старшая... вдовушка... Ну, та... Бог с ней!..

– Сороки! – невозмутимо вставил Вася, подавая отцу шляпу, которую только что заботливо вычистил.

Невольно все рассмеялись, глядя на долговязого юношу.

По мягкой дороге, чуть-чуть подпрыгивая, плавно катилась коляска к усадьбе Смирновых. Надо было ехать верст с двадцать. В разговорах Вязниковы и не заметили, как прошло время и как припекало их солнце. Из-за пригорка наконец показался огромный тенистый сад и верхушка церкви. Затем открылась и самая усадьба – большой старинный помещичий каменный двухэтажный дом с возвышавшимся посередине куполом, на котором развевался флаг.

– Старинное дворянское гнездо!.. Так и веет от него стариной! Постройки-то какие! – промолвил Николай.

– Богат был отец покойного Смирнова. Первейший богач был у нас, но все промотал. Удивительно, как еще эти хоромы уцелели в общем крушении. Я помню старика, он приятель батюшки был. Свежо предание, а верится с трудом⁹.

---

⁹ Свежо предание, а верится с трудом. – Из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (действие 2, явл. 2).

– Самодур?

– Людей травил собаками, а потом награждал их по-царски. У него одних собак было сотни три. Пирь задавал какие!..

– Теперь, я думаю, имение запущено?

– Совершенно. Заложено в банке и не дает никакого дохода или пустяки. Впрочем, Надежда Петровна думает поправить его. Посмотрим, что будет, как поправит...

– Богата она?

– Едва ли; кажется, пенсия одна после мужа, а впрочем, не знаю. Живет хорошо – увидишь!

Когда коляска приблизилась к усадьбе, то мерзость запустения обнаружилась во всей наготе своей. Хозяйственные постройки оказались развалившимися, без стекол, и глядели мрачно.

Громадный барский дом еще был в некотором порядке, но верхние окна были заколочены наглухо досками. Через широкие ворота высокой каменной, местами совсем развалившейся ограды, обнесенной вокруг всей усадьбы («тоже своего рода „великая стена“¹⁰, – подумал Николай), коляска въехала на полукруглый большой луг и по окаймленной ветлами аллее с шумом подкатила к громадному подъезду, который стерегли два больших льва с отломанными носами.

Из дверей вышел молодой лакей совсем петербургского фасона и на вопрос: «Дома?» – отвечал утвердительно, с петербургской выправкой, пропуская гостей в огромную переднюю:

– Дома-с, пожалуйста!

Затем он снял с них пальто и побежал доложить о гостях.

Вязниковы медленно проходили большую высокую залу, отделанную под мрамор, – «мрамор» совсем пожелтел, и многочисленные трещины извивались по нем неправильными линиями, – украшенную кариатидами¹¹, с расписанным потолком, но от старости и пыли фрески представлялись мрачными пятнами с какими-то фантастическими фигурами вместо амуров. Ветхие, с истертой позолотой и обтрепанной, полинялой штофной материей¹², стулья да рояль, стоявший в углу, составляли все убранство залы. От этой комнаты веяло пустыней и отдавало сыростью.

Николай чуть было не упал, попавши ногой в глубокую дыру на старом дубовом паркете.

– Эка старина! Хоть бы дыры зачинили! – проговорил Николай.

– А я, Коля, когда-то здесь отплясывал! – улыбнулся Иван Андреевич. – Тогда дыр не было!.. Это малая зала, а наверху большая есть, с театром. У покойного старика была труппа крепостных артистов... Теперь там, верно, крысы поселились. Верх заколочен! – прибавил старик.

Гостиная, куда вступили из залы Вязниковы, представляла совершенную противоположность. Точно они, переступивши порог, перенеслись из доброго старого времени в новое. На них так и пахло современной жизнью и обстановкой. Они были в уютной, видимо жилой гостиной, напоминавшей петербургские дачные гостиные средней руки, с светлыми кретоновыми портьерами¹³, занавесями, мягкой, новейшего фасона, свежей мебелью, обитой тою же материей, с цветами на растворенных окнах, трельяжем, несколькими недурными пейзажами по стенам, оклеенным светлыми обоями, с альбомами, кипсеками¹⁴ и книгами в красивых переплетах, разбросанными на столах, перед диванами и диванчиками.

---

¹⁰ «Великая стена» – крепостная стена огромной протяженности в Северном Китае, строительство которой начато в IV–III вв. до н.э.

¹¹ Кариатиды – статуи, поддерживающие выступающую часть здания.

¹² Штофная материя – плотная шелковая или шерстяная ткань с тканым узором.

¹³ Кретоновые портьеры – шторы из плотной, жесткой хлопчатобумажной ткани с набивным рисунком.

¹⁴ Кипсек – роскошно изданный альбом.

Едва Вязниковы сделали несколько шагов, как против них заколыхалась портьера и из-за нее торопливо вышла пожилая женщина, одетая очень хорошо и по моде, и, протягивая обе свои длинные, с красивыми ногтями, костлявые руки, на пальцах которых болтались кольца, произнесла приветливым голосом, улыбаясь всем своим лицом:

– Как я рада вас видеть, дорогой и уважаемый Иван Андреевич! Как рада!

Она с чувством пожала Ивану Андреевичу руки и продолжала:

– Нечего вам и представлять вашего сына. Я и так бы узнала.

Она протянула Николаю руку («Какая костлявая!» – подумал он) и заметила:

– Я с вами знакома, Николай Иванович, по вашей прекрасной статье. Еще недавно мы о ней говорили с Алексеем Алексеевичем. Вы, конечно, знаете Присухина? Он теперь гостит у нас. Ваша статья нам всем очень понравилась. Мы даже удивились, как она прошла. Мы так привыкли к затруднениям, – пожала она плечами и горько усмехнулась. – Садитесь, пожалуйста. Иван Андреевич, сюда на диван. Как здоровье Марьи Степановны? Она такая домоседка – ваша Марья Степановна.

VIII

Николай разглядывал в это время хозяйку.

Это была высокая худощавая женщина, лет под пятьдесят, с продолговатым лицом, острым носом, тонкими губами и пронизательным, умным взглядом маленьких черных глаз, которые почти не останавливались на месте. Она сразу производила впечатление умной, бойкой, характерной женщины, знающей толк в людях и умеющей обойтись с ними. «Тертая баба! – подумал про нее Николай. – И вовсе не так проста, как хочет казаться!»

Кто в Петербурге не видал или не слышал о Надежде Петровне, пользовавшейся репутацией умной и либеральной женщины?! На благотворительных спектаклях, на лекциях, на литературных вечерах она бывала непрременной распорядительницей, показывалась то там, то здесь, кого-нибудь устраивающая, о чем-нибудь суетящаяся, пожимающая руку то тому, то другому, всегда приветливая и любезная. Кажется, нет ни одного благотворительного общества, в котором она не была бы членом, а в двух она состоит председательницей. И везде она поспевала, везде пользовалась репутацией практичной женщины, умеющей все устроить, все уладить. Она поощряла женские высшие курсы, она с дочерьми всегда что-нибудь да устраивала; одним словом, как она говорила, всякий «либеральный почин» находил в ней горячую поклонницу. Она имела большой круг знакомства и преимущественно в интеллигентной среде. По четвергам у нее собиралось самое интеллигентное общество: профессора, известные адвокаты, известные прокуроры, известные председатели, известные литераторы; неизвестных у нее не было, а если и встречались, то они непременно готовились быть известными. Этот молодой человек писал какое-нибудь исследование, другой – собирался предпринять ученое путешествие в Гобийскую степь, третий – «изучал» специально тюремный вопрос, четвертый – творения Шекспира и т.п. Что она была женщина бесспорно умная, в этом не было ни малейшего сомнения, но каким образом она сделалась либеральной дамой и почему она именно сделалась либеральной, а не консервативной – этот вопрос задавали себе многие, знавшие Надежду Петровну еще в те времена, когда она женских курсов не поощряла, с известными людьми не была знакома, а, состоя в звании молодой губернаторши, отличалась совсем противоположными качествами и, как говорят злые языки, держала бразды правления так туго, что купцы и чиновники только вздыхали, особенно перед праздниками.

Дочь незначительного губернского чиновника, тогда красивая, стройная девушка, с прекрасными белокурыми волосами и зоркими черными глазками, Надежда Петровна сумела составить очень блестящую для нее партию и женила на себе – именно женила! – пожилого уже господина Смирнова, приехавшего из Петербурга по делам в С. и влюбившегося в молодую девушку. Правда, он было колебался сделать предложение, но Надежда Петровна сама вывела его из колебания, так что Смирнов и не успел одуматься, как уже сделался женихом и вслед за тем счастливым и покорным супругом молодой жены. Она не только прибрала в руки самого Смирнова, но благоразумно прибрала в руки и остатки его состояния, умерила широкую натуру мужа, – он в этом отношении походил на отца, – заставила его воспользоваться связями и серьезно заняться службой – до этого Смирнов где-то числился и бил баклуши. Супружество их было очень счастливо и обильно детьми. Молодая женщина выказала блистательные способности и как администратор, и как финансист. Она сберегла от продажи Васильевку, управляла губернией с достоинством и умом и продолжала заботиться о благополучии семейства с упорством и энергией характерной женщины. Когда подоспела крестьянская реформа, Надежда Петровна была несколько изумлена и числилась в числе недовольных. Тем временем мужа назначили сенатором, и Смирновы переехали в Петербург. Жили они скромно, дочери были в институтах. Несмотря на хлопоты Надежды Петровны, сенатор никакого выс-

шего назначения не получил и в шестидесяти годах умер, оставив на руках вдовы двух сыновей: одного офицера, другого прокурора, и трех подрастающих барышень, а состояние хоть и порядочное, но далеко не обеспечивающее семью. Вот в это-то самое время Надежда Петровна и сделалась либеральной дамой. С свойственной ей проницательностью она поняла, что времена переменялись, что со смертью мужа связи ее с аристократическими родными ее мужа должны были прекратиться, что она не в состоянии была тянуться за ними, не могла играть никакой роли в этом обществе и едва ли пристроит своих дочерей. Мало-помалу отстала она от этого общества, завязала знакомства в других кружках и благодаря природному уму и бойкости скоро приобрела репутацию умной и либеральной женщины, так что в Петербурге все знали Надежду Петровну. Она очень хорошо пристроила старшую дочь, выдав ее замуж за очень богатого старого сенатора, – он тоже не мог прийти в себя, как уже был объявлен женихом, – но других дочерей пристроить было труднее... Известные адвокаты и прокуроры, посещавшие гостиную Надежды Петровны, очень хорошо знали, что приданое у дочерей небольшое, и предложений не делали. Надежда Петровна ездила на воды, но и там женихи не давались, и бедная мать нередко приходила в отчаяние, глядя на своих дочерей, не умевших устроить своей жизни с таким же умом, как сама она и старшая ее дочь.

Состояние между тем расстроилось благодаря старшему сыну. Он наделал долгов, и надо было заложить имение. Осталась пенсия да кое-какие доходы с имения. И вот Надежда Петровна вместо вод приехала в Васильевку, пригласив к себе погостить нескольких известных холостых, обычных посетителей ее гостиной.

– В деревне так хорошо освежиться после Петербурга! – говорила она, не без основания рассчитывая, что деревенский простор даст и больший простор чувствам.

– Вы пробудете здесь все лето, Николай Иванович? – обратилась Надежда Петровна, успев в свою очередь внимательно оглядеть молодого человека и, по-видимому, очень довольная осмотром.

– Все лето.

– И отлично. Я рассчитываю на вас. Вы, верно, не откажете нам помочь в добром деле... устроить здесь на рациональных началах школу. Мы все принимаем участие, и я надеюсь...

Николай поклонился.

– Наш бедный народ совсем, совсем лишен света. Надо всем нам делать, что можно, как это ни трудно. Ах, Иван Андреевич, – обратилась она к Вязникову, – каково-то вам? Я слышала, как вы боретесь в земских собраниях. Нам всем надо сплотиться. К сожалению, мы страдаем разъединенностью, вот почему мы все так мало успеваем...

Надежда Петровна уже несколько раз беспокойно поглядывала на двери, и Николай заметил на лице ее промелькнувшую неприятную улыбку. Впрочем, лицо ее тотчас же просветлело, когда в гостиную вошла молодая барышня в кисейном платье, недурная собой, с неглупым, выразительным лицом.

Гости встали. Николай тотчас же был представлен.

– Вторая моя дочь, Ольга. Николай Иванович Вязников, автор той статьи... помнишь?

Ольга сказала, что очень хорошо помнит и что статья ей понравилась. Она пожала руки отцу и сыну и присела рядом с Николаем. У них завязался разговор. Ольга показала Николаю очень неглупой и наметавшейся девушкой, но при этом ему бросилось в глаза, что она уже чересчур часто цитирует названия разных авторов.

Оказалось, что она теперь изучала Спенсера¹⁵ и осенью готовилась в близком кружке прочесть реферат. Она говорила об этом, впрочем, просто, нисколько не рисуясь. «Почему она именно изучает Спенсера?» – подумал Николай и хотел было спросить, но ничего не спросил.

Вслед за тем в гостиную вошли еще две барышни, в сопровождении маленького, худощавого, с козлиной бородой, рыженького господина с серьезным лицом, выступавшего тоже серьезно и солидно. Он что-то объяснял двум барышням, которые, казалось, слушали его очень внимательно.

Николай опять встал и поклонился. «Сколько здесь барышень! – подумал он. – Неужто ж одна из них та самая красавица, о которой говорила Леночка?»

Одна из вошедших – брюнетка с короткими, подвитыми волосами, падавшими локонами на плечи, – очень походила на Ольгу, только была повыше ростом. Такая же недурненькая, брюнетка, с неглупым, симпатичным личиком, хорошими манерами, белыми сверкающими зубками и приветливым взглядом. Другая – блондинка, очевидно, была совсем иной породы. Белокурая, миловидная, пышная, с румянцем на нежной коже лица, с большими голубыми, красивыми, но глуповатыми глазами, она сразу напомнила Николаю богобоязненных, солидных, застенчивых барышень из приличных семейств русских немцев.

Брюнетка, как Николай решил про себя, едва только увидел ее, была младшая дочь Смирновой – Евгения, а блондинка – Анна Штейн, приятельница барышень Смирновых, приехавшая из Петербурга погостить в деревне. «Отец ее известный, честнейший и знающий финансист», – вставила Надежда Петровна, улучив минуту.

Что же касается рыжеватого молодого человека, то и он оказался известным молодым ученым г.Горлицыным, химиком, собирающимся вскоре занять профессорскую кафедру.

Господин Горлицын молча обменялся рукопожатиями с Вязниковыми и отошел тою же солидной, степенной походкой к барышням продолжать прерванную беседу. Он говорил тихо, не спеша, докторальным тоном, напоминающим тон заматорелого учителя, и обе барышни слушали его с большим вниманием. Вскоре, однако, Евгения подседа к Николаю, а г.Горлицын с Анной Штейн продолжал свою беседу уже в зале, откуда доносился тихий, авторитетный голос молодого ученого.

«Где ж, однако, настоящая красавица, старшая дочь?» – думал про себя Николай, которому, признаться, несколько надоело уже беседовать с барышнями, – Надежда Петровна в это время заговаривала старике, – хотя одна и изучала Спенсера, а другая, как оказалось, занималась с г.Горлицыным химией и находила, что это очень интересно и любопытно.

«На какого черта этой нужна химия, а другой нужен Спенсер? При чем тут химия?» – вертелось в голове Николая. Однако он должен был признать, что и Евгения, как и Ольга, была неглупая барышня, хотя и пожалел, что от занятий химией у нее были запачканы тонкие, аристократические ручки. Вообще обе сестры показались ему не особенно интересными и занимательными, хотя обе они и выказали себя с очень хорошей стороны. Обе были девушки с самыми либеральными взглядами, обе не без презрения относились к военным и предпочитали интеллигентных людей, обе, время от времени, слушали лекции, хотя и пожалели, что с ранних лет не получили систематического образования, обе следили за литературой, любили и жалели «бедную учащуюся молодежь» (в доме у них, однако ж, «учащаяся молодежь» не бывала). Обе могли, если бы понадобилось, толково объяснить несовершенство земских учреждений, и обе были знакомы с Тургеневым, Достоевским и многими другими, менее известными писателями.

А все же Николаю с ними было скучно. Ему приходилось раньше встречаться с такой же разновидностью. Он вспомнил, что встречал в петербургских кружках, в небогатых, но плодотворных дворянских семействах, такие же экземпляры либеральных барышень, которые, в ожидании замужества, бросались, разумеется без всякой подготовки, не только на химию или на

---

¹⁵ Спенсер, Герберт (1820-1903) – английский философ и социолог.

изучение тюремного вопроса, но даже на высшую математику и от скуки ездили слушать сельскохозяйственные лекции, а потом, когда благополучный брак увенчивал их стремления, прекращая тревогу сердца, они благоразумно откладывали, конечно, химию в сторону и делались добрыми супругами, главным образом интересующимися производительностью благоверных супругов в приобретении материальных средств. «Химия» тогда оставалась приятным воспоминанием девической жизни и служила иногда разве подспорьем для оживления какого-нибудь скучного журфикса ¹⁶.

Николай посмотрел на отца и скрыл улыбку. По унылому, осовевшему лицу его он заметил, что хозяйка совсем завладела стариком. Иван Андреевич посмотрел на часы, переглянулся с сыном и хотел было подниматься, как в гостиную вошла молодая женщина с ярко-золотистыми, рыжими волосами, приостановилась, слегка прищуривая глаза с выражением не то скуки, не то недоумения, и приблизилась к обществу.

Николай взглянул на нее и как бы замер от удивления.

Что-то ослепительно свежее, белое, красивое и изящное осветило внезапно комнату.

– Красавица! – шепнул он, поднимаясь с кресла и низко кланяясь рыжеволосой молодой женщине, которая приветливо здоровалась с Вязниковым-отцом.

---

¹⁶ Журфикс – день недели в каком-нибудь доме, предназначенный для приема гостей (фр.).

IX

Надежда Петровна назвала Николая и проговорила:

– Старшая моя дочь, Нина!

Молодой человек еще раз поклонился, пожимая протянутую ему руку, и – спасибо молодому ученому, который подсел в это время к барышням – мог свободно любоваться Ниной, присевшей около отца, прямо против Николая.

Стройная, высокая, статная, с роскошно развитыми формами, она была в светлом барежевом платье ¹⁷ с широкими рукавами, из-под которых блестели – именно блестели – ослепительной белизны, словно из мрамора выточенные, обнаженные руки с изящными кистями. Так же ослепительно бело было и ее античное, художественных очертаний лицо с нежным розоватым оттенком просачивающейся крови и нежными голубыми жилками. Из-под высокого молочного лба глядели черные бархатистые глаза, чуть-чуть улыбаясь какой-то неопределенной улыбкой. Такая же улыбка скользила и по тонким ярким губам, скользила незаметно, придавая физиономии слегка насмешливое выражение.

От всей этой ослепительной фигуры веяло спокойным изяществом и какой-то силой красоты...

Нина Сергеевна несколько минут проговорила с Иваном Андреевичем, вскинула раза два глаза на Николая, поднялась с кресла и подошла к сестрам, которые затеяли уже спор с Горлицыным.

– Опять умные разговоры ведете! – произнесла она, чуть-чуть скашивая губы и улыбаясь насмешливо глазами.

– Ах, не мешай, Нина.

– Как вам не надоест, господа?.. Игнатий Захарович, я не прошу вас о сестрах, но пожалейте хоть Нюту... Вы бедняжку совсем замучаете... право...

Горлицын серьезно взглянул на молодую женщину. Обе сестры взглянули на Николая, как бы прося извинения, что у них такая старшая сестра.

– Я сегодня слышала, как вы вразумляли ее насчет души... Это ужасно. Пощадите ее хоть до четвергов зимой... Бедная Нюточка все сидит за книгой и старается понять, что такое душа... Ведь теперь каникулы...

Молодой ученый начинал, видимо, злиться, а Нина Сергеевна, видимо, потешалась над ним от скуки. Он, впрочем, старался скрыть свое раздражение под спокойным тоном и медленно проговорил:

– Напрасно вы беспокоитесь за Анну Карловну. Для кого как... Что для одного скучно, то...

– Это в мой огород? Так ведь напрасно!.. – засмеялась она, открывая ряд прекрасных жемчужных зубов. – Вы хорошо знаете, кажется, что я отсталая. Это ведь давно решено и подписано! – прибавила она, значительно усмехаясь.

– Ты, Нина, вечно с твоими насмешками! – заметила Ольга.

– Они вот все не допускают меня в свою компанию, – весело заговорила Нина, обращаясь к Николаю, – и говорят, что я не умею вести умных разговоров. Хотите, попробуем?

– Попробуем.

– Впрочем, что же я?.. Вы тоже, верно, известный литератор или адвокат, или... словом, ученый человек?

– Я просто покамест праздношатающийся человек! – отвечал он.

---

¹⁷ ...барежевое платье – платье из прозрачной ткани крученой пряжи с сетчатым рисунком.

– Николай Иванович написал недавно превосходную статью! – проговорила одна из сестер.

– Слышала, но не читала и – извините – не прочту. Значит, и вы мне не пара? – комично усмехнулась она. – Я ничем не занимаюсь, ничего не изучаю, разве только людей! – прибавила она, присаживаясь около Николая. – По совести предупреждаю вас!.. Давно вы приехали?

– С неделю.

– И не умерли еще с тоски?

– Нет! – рассмеялся Николай.

– А я так готова умереть. Гулять да гулять – это надоест.

Она вскинула на него глаза, обдавая его светом, и проговорила:

– Вы до осени?

– До осени.

– Умеете ездить верхом?

– Умею.

– И прекрасно. Мы будем ездить с вами, а то мне не с кем!

Она проговорила эти слова тем капризно-уверенным тоном, как будто и не сомневалась в согласии молодого человека.

– Да ведь я живу за двадцать верст...

– Приезжайте чаще к нам. Вы знаете Присухина?

– Слышал.

– Будете за обедом спорить с ним, а вечером будем кататься или играть в карты.

В это время Надежда Петровна кашлянула; Нина Сергеевна незаметно взглянула на мать, усмехнулась и проговорила:

– А, впрочем, как хотите. Я и одна люблю ездить... Ну, mesdames, кончили? – обратилась она к сестрам. – Пора и купаться идти.

Она поднялась с места.

Иван Андреевич подошел к сыну и спросил, не пора ли ехать домой.

– Поедем! – отвечал Николай.

– Как, уже и ехать? Что вы, Иван Андреевич! Разве вы не пообедаете с нами?

Старик извинился, что не может.

– Ну, так хоть Николая Ивановича не увозите... Дайте нам поближе познакомиться с молодым человеком. Знаете ли что: оставьте его погостить у нас несколько дней. Он познакомится с Алексеем Алексеевичем. Быть может, и не соскучится. Оставайтесь-ка, Николай Иванович. У нас, как видите, здесь всем полная свобода. Что хотите, то и делайте.

Николай колебался.

– Оставайтесь! – промолвила Нина. – Он остаетя, мама! – прибавила она.

Николай тотчас же согласился.

Отец обещал ему прислать платье и белье.

– Ты долго пробудешь?.. – спрашивал он у сына, который вышел его проводить.

– Нет, дня два-три, не более.

– Как знаешь! – промолвил старик, пожимая руку сына, и потом тихо шепнул, – ты будь, Коля, осторожней с Ниной Сергеевной. Она... она. Впрочем, ты сам поймешь, что это за женщина. Прощай, мой мальчик! «Какая она особа?.. Что хотел сказать отец?» – недоумевал Николай, возвращаясь в гостиную.

Х

Только к обеду – у Смирновых обедали по-городскому, в пять часов, собираясь по звонку – в столовую вошел, несколько переваливаясь и потрясая брюшком, скромно склонив чуть-чуть набок голову, блондин, среднего роста, лет за сорок, круглый, гладкий и выхоленный, с мягким, белым, расплывчатым, широким лицом, сияющий лысиной и небольшими глазами, ровно глядевшими из-под широкого черепа. Все в нем дышало необыкновенным благообразием, начиная с лысины, окладистой светло-русой бороды, от которой несло благоуханием, и кончая пухлыми архиерейскими руками. В кем было что-то елейное, мягкое, располагающее.

Это был известный адвокат, наживший большое состояние, Алексей Алексеевич Присухин.

Только что он вошел в столовую, как тотчас же все – исключая Нины – обратились к Алексею Алексеевичу с вопросами: хорошо ли он работал, и не мешал ли ему шум? В почтительности, с которой все обращались к нему, легко было увидеть, что Присухин пользуется у Смирновых большим почетом и особенным авторитетом.

Он успокоил всех своей мягкой улыбкой, прежде чем объяснил, что занятия его шли успешно и что ничто ему не мешало, и взглянул на нового гостя.

– Ах, что же я!.. – подхватила Надежда Петровна.

С этими словами она взяла молодого человека под руку и, подводя Николая к Алексею Алексеевичу, проговорила:

– Николай Иванович Вязников.

Смирнова и не назвала Присухина, полагая, вероятно, что не может быть человека, который бы не знал его.

– Очень приятно познакомиться! – промолвил Присухин, приветливо пожимая молодому человеку руку.

– Это, Алексей Алексеевич, автор той статьи, которая...

– Я с удовольствием читал вашу статью, Николай Иванович... Очень приятно познакомиться!.. – повторил Присухин, поводя глазами на столик, где стояла закуска.

Уже все сели за стол, как в столовую вошло еще новое лицо – господин лет тридцати, высокого роста, неважно одетый, некрасивый, с большой черной бородой. Он слегка поклонился всем и молча сел за стол. Никто не обратил на него внимания, да, казалось, и он никого не удостоил им. Николай взглянул на черноволосого господина – его поразило необыкновенно энергичное выражение его скуластого загорелого лица – и недоумевал, кто мог быть этот господин, с таким характерным и умным лицом, в потертом пиджаке, сидевший за столом среди элегантного общества?

«Разве учитель? Но, кажется, подростков нет у Смирновых. Бедный родственник? Этого не может быть. Он ни одной черточкой не напоминает бедного родственника!»

Николай внимательно посмотрел опять на таинственного незнакомца, и лицо его показалось ему как будто знакомым. Он припоминал, что где-то и при особенных обстоятельствах он встречал это лицо... Он вспомнил, что это было в первый год его студенчества. Человек, похожий на этого господина, говорил громовую речь, поразившую всех. Такая же энергичная физиономия, то же скуластое лицо.

«Но это невозможно!» Николай знал дальнейшую судьбу того господина. Он не мог быть здесь.

И черноволосый господин мельком взглянул на Николая, словно спрашивая: «Это еще что за гусь?» – и равнодушно опустил глаза в тарелку.

– Ну, как вам нравится наш божок? – тихо спрашивала Нина, наклоняясь к Николаю, в то время как Присухин начал что-то рассказывать, и все обратили взоры на него, ловя каждое его слово.

– Он очень умный человек.

– Умный-то умный, только какой-то...

– Какой?

– Да слово смешное – иисусистый.

Николай рассмеялся.

– Это, впрочем, не мое слово...

– А меткое.

Он взглянул на Присухина. Действительно, в нем было что-то такое, вполне оправдывавшее название «иисусистого».

– А кто этот черноволосый господин, что молча сидит? – спросил, в свою очередь, Николай.

– Новый управляющий на заводе.

– Имя его?

– Прокофьев.

«Я ошибся! – мелькнуло в голове Николая. – А удивительное сходство!»

– Вероятно, студент?

– Не знаю. Знаю только, что мама им очень довольна. Он вас интересуется?

– Очень. Характерное лицо.

– Да, что-то есть. Только дичится нас. Мы его оставляем в покое... Что же мы, впрочем, – Алексей Алексеевич рассыпает перлы, а мы одни не подбираем их!

– Не одни, – тихо промолвил Николай, окидывая глазами общество. – Посмотрите на Прокофьева.

– С этого не спросится.

– Отчего?.. Он недостаточно известен?

– Не то. Он уж у нас такой. Где ему? Однако внимание! Вам тоже полезнее внимать умным речам, чем слушать вздор глупой женщины. Ведь правда? – обронила она чуть слышно, взглядывая на Николая улыбающимся, загадочным, быстрым взором...

Не дожидаясь ответа, Нина Сергеевна повернула голову, слегка вытягивая лебединую свою шею, и стала слушать. Николай взглянул на нее и удивился, как она быстро умела менять выражения. Теперь глаза ее уж не смеялись и были устремлены прямо в лицо Алексея Алексеевича. Взгляд Присухина скользнул по молодой женщине. Николаю показалось, что он засиял довольной улыбкой.

А речь Алексея Алексеевича текла тихо и плавно, словно журчание ручья. Что-то ласкающее слух, успокоивающее нервы было в мягком, нежном, приятном голосе. Он говорил, по временам закрывая глаза, говорил замечательно хорошо, с манерой недюжинного оратора. Все сидели как очарованные, вперив взгляды в Алексея Алексеевича, боясь проронить одно слово, один звук, точно слушая диковинную райскую птицу. Надежда Петровна замерла от удовольствия, улыбаясь счастливой улыбкой, изредка посматривая вокруг, словно бы спрашивая: «Каково?» Все в столовой будто замерло. Даже лакей, влетевший было с блюдом, остановился сзади Надежды Петровны, выжидая паузы, когда можно будет обносить разноцветное мороженое, возвышавшееся среди блюда красивым обелиском.

Николай стал слушать.

– Невозможно, неестественно, говорю я, – продолжал между тем Алексей Алексеевич, – идти против истории. Для людей, не чуждых ей, эти явления объясняются просто и естественно, так же естественно, как просто и естественно объясняются физические законы. Негодуйте, сердитесь, волнуйтесь, а факты остаются фактами; народ, масса не только в бедном нашем отече-

стве, но даже в более цивилизованных странах похожа на стадо баранов, бессмысленное, стихийное стадо, не имеющее ни за собой, ни перед собой ничего. Не от него ждать спасения, не он скажет слово – он никогда ничего не говорил, – а только от людей цивилизации, людей науки, от высших организаций. И вот почему мне так прискорбно, что у нас вдруг заговорили о народе, появились какие-то народники в литературе, в обществе, среди молодежи. Убогого дикаря они хотят нам представить светочем истины. Это вредное и прискорбное заблуждение, невежественный сентиментализм. История двигалась не народом – он одинаково терпел и Ивана Грозного и Робеспьера¹⁸, – а высшими личностями. Сила в интеллигенции, а не в народе. Мы одни действительно являемся нередко страдальцами, а не народ. Стоит посмотреть на этих отупелых киргиз-кайсаков...

По счастью, Алексей Алексеевич остановился на секунду, и Надежда Петровна, заметившая, что мороженое начинает таять, моргнула лакею, и он стал обносить блюдо. Присухин взял изрядную порцию и продолжал на ту же тему. Николай слушал, слушал и начинал злиться. Бессердечной, сухой и безжалостной показалась ему теория, проповедуемая Присухиным. По его словам, выходило как будто так, что высшим организациям предоставляется право жить разносторонней жизнью, а доля низших – вечное ярмо. Он почувствовал какую-то ненависть к оратору. Ему припомнились эти киргиз-кайсаки, среди которых он провел детство. В голове его мелькнули теплым, мягким воспоминанием няня, ветхий мужик Парфен Афанасьевич, повар Петр, Фома... Его обуяло желание оборвать Присухина. Что-то клокотало в его груди. Он чувствовал – именно чувствовал – какую-то фальшь в словах «иисусистого».

– Позвольте, однако! – воскликнул он, вдруг загораясь весь. – Позвольте.

Все посмотрели на Николая с таким же выражением, с каким смотрят на мальчика, решающегося вступить в спор с взрослым человеком. «И ты, милый, решаешься!» – казалось, говорили все эти взгляды.

Николай почувствовал эти взгляды, и это возбудило его еще больше.

А Присухин поднял на молодого человека свои тихо сияющие глаза и как бы снисходительно поощрял молодого человека. «Ничего, ничего, попробуй. Послушаем, что-то ты скажешь!»

Этот взгляд заставил его вспыхнуть до ушей. «Скотина! – подумал Николай. – Подожди!»

– Так, по-вашему-с, выходит, что народ, благодаря которому мы могли получить образование, киргиз-кайсаки, а мы – соль земли? Для нас все, а для них ничего. Так-с? – вызывающим тоном продолжал Николай.

– По-моему-с, ничего не выходит; есть научные положения, из которых следуют известные выводы.

– Сами же вы сейчас объясняли, что история движется высшими организациями, а если это так, – хотя я думаю, что не так, – то неужели высшие организации, соль земли, могут спокойно смотреть, как низшие организации остаются во тьме нищеты и невежества?.. Извините меня, эта теория... безнравственна.

– Теория не может быть ни нравственной, ни безнравственной. Она может быть научной или не научной... Когда...

Но Николай не слушал и продолжал, не замечая, как тонко-насмешливо улыбаются глаза Алексея Алексеевича.

– Или высшим организациям нет никакого дела до этого, и они могут равнодушно жить с киргиз-кайсаками, пользуясь сами всеми дарами цивилизации? В таком случае во имя чего же они двигают историю?.. Во имя личных целей?.. Все для себя, а киргиз-кайсаки как знают?..

– История не знает-с целей. Она управляется законами.

---

¹⁸ Робеспьер, Максимилиан (1758-1794) – один из активнейших деятелей Великой французской революции.

– Законами хищничества одних, индифферентизма других и бессердечия третьих. Мы с вами-с будем наслаждаться, желать свободы, а для большинства – прозябание. Это-с не так, и история, сколько я понимаю, не совсем шла так. Были люди, есть они и будут, для которых страдания масс были единственным двигателем их деятельности. Они были только выразителями этих же масс.

Николай продолжал развивать свою аргументацию, но он не столько развивал, сколько увлекался и горячился. В словах его звучало чувство и отсутствовала доказательность.

Алексею Алексеевичу не стоило большого труда сбить с позиции своего молодого противника. Своим тихим, ровным голоском он полегоньку, с видом пренебрежительной снисходительности, разбивал его. Николай чувствовал, что правда на его стороне, чувствовал всем существом своим, что в доводах Присухина, по-видимому основательных, скрывается высокомерный эгоизм, но видел, что ему не совладать с мастерской диалектикой противника, с солидностью его эрудиции. Он не мог не заметить, что Присухин играет с ним, как старый, опытный боец. На одно его доказательство, на одну его цитату он приводил несколько других, причем упоминал такие сочинения, о которых Николай и не слышивал.

Но Вязников напал еще с большего запальчивостью на Присухина и под конец стал так горячо спорить, что Присухин проговорил:

– Э, да вы, Николай Иванович, как посмотрю, горяченький в спорах. Впрочем, глядя на вас, я вспоминаю свою молодость... Когда я был юн, я также был горяч; но уходили коня крутые горки.

О своей горячности Алексей Алексеевич упомянул, как кажется, ради извинения молодому человеку. Сам он едва ли когда-нибудь горячился.

– Молодость тут ни при чем. Есть и молодые, которые проповедуют ту же доктрину, хотя и не так последовательно. Она крайне удобная... заставляет мириться со всем, глядеть на правых и виновных хладнокровно и, главное, не стесняться.

– Что делать-с. Наука – не прокурор судебной палаты!.. Вы давно изволили кончить курс? – прибавил Алексей Алексеевич.

– В настоящем году! – резко отвечал Николай.

– В настоящем... По какому факультету?

– По юридическому...

– Значит, мой collega. К нам в присяжные поверенные?..

– Еще не знаю-с.

– Конечно, к нам. Когда-нибудь сразимся, значит, и в суде... С таким противником приятно спарить, и мы еще, надеюсь, поспорим, а теперь... я боюсь, не надоели ли мы дамам! – прибавил Присухин и заговорил с одной из барышень.

Николай умолк, несколько сконфуженный. «Скотина!» – подумал он. Ему было обидно и досадно, что он не только не оборвал этого «иисусистого», но еще оборвался сам.

– Однако и вы любите умные разговоры разговаривать, как погляжу! – заметила Нина. – А я думала...

Николай еще находился под влиянием спора и не слышал, что говорила ему соседка.

– Я думала... Да вы, кажется, не слушаете меня?

Николай взглянул на молодую женщину. Она так весело улыбалась, столько жизни было в ее глазах, так ослепительно хороша была она, что и сам он улыбнулся и радостно сказал:

– Что же вы думали?

– Что вы не занимаетесь глупостями.

– А чем же?

– А просто... просто пользуетесь жизнью! – тихо прибавила она, подымаясь.

XI

Николай незаметно сошел с террасы в сад, возобновляя в памяти свой спор с Присухиным и досадуя, что не сказал ему всего, что теперь так стройно и логично проносилось в его голове. Он тихо подвигался в глубь густой аллеи.

– И охота вам было связываться! – произнес под самым ухом сбоку чей-то голос.

Николай повернул голову. На скамейке под развесистым кленом сидел Прокофьев.

Вязников подошел к нему и отрекомендовался.

– Я вас несколько знаю. От Лаврентьева слышал и вашу статейку читал! – произнес Прокофьев, протягивая руку. – Среди всякой нынешней мерзости... статейка ничего себе.

– Ваше лицо мне тоже показалось знакомым. Вы не знавали студента Мирзоева?

– Нет.

– Большое сходство.

– Мало ли схожих людей. Моя фамилия Прокофьев... Федор Степанов Прокофьев.

– Так незачем было связываться? – спросил Николай, присаживаясь около.

– Убедить, что ли, намеревались эту культурную каналью?

– Да уж чересчур возмутительно.

– Ого! Извольте еще возмущаться речами Присухина. В какой Аркадии ¹⁹ жили?

– В петербургской.

– Так-с... И возмущаетесь еще?

Он помолчал и прибавил:

– Ведь у него и наука-то вся такая же иисусистая, как он сам. Они с ней – одного поля ягоды. Она у них повадливая, карманная, на все руки...

– Как повадливая?

– Очень просто. Какие угодно фокусы они с ней проделывают. Вы курсов не проходили разве? Только он вас, что называется, в лоск положил...

– Однако...

– Однако не однако, а затравил, и поделом!

Николай был несколько озадачен и строго взглянул на Прокофьева, но тот не обратил на это ни малейшего внимания.

– И вправду, поделом! Вперед не суйтесь. Коли соваться, так уж надо самому во всей амуниции – иначе только их же жалкими словами тешить. По мне, это будто чищеным сапогом в грязь ступать. Он вам и Милля ²⁰ и Маркса перевирал, вы внимали, а он-то хихикал в душе...

– Так что же вы не вступились, коли сами вы в полной амуниции, как вы говорите? – заметил иронически задетый за живое Николай.

– Эту канитель давно бросил, – отвечал Прокофьев хладнокровно. – Да и к чему? Разве их берут слова? Или барышень здешних, что ли, тешить диспутами?..

– Нельзя же хладнокровно слушать гадости.

– И потому надо поболтать?

Прокофьев помолчал и, внимательно взглядывая на Николая, прибавил:

– Пожалуй, вы и на свою публицистику возлагаете надежды? Кого-нибудь убедить полагаете насчет курицы в супе ²¹, а?

---

¹⁹ Аркадия – традиционный образ страны райской невинности и патриархальной простоты нравов.

²⁰ Милль, Джеймс (1773-1836) – английский историк, публицист, экономист и философ. В 1865 году трактат Милля о политической экономии вышел с примечаниями Н.Г. Чернышевского.

²¹ Кого-нибудь убедить полагаете насчет курицы в супе... – слова, подобные этим, историческое предание приписывает французскому королю Генриху IV (1553-1610): «Я постараюсь, чтобы самый бедный крестьянин мог есть мясо каждую неделю и, сверх того, иметь каждое воскресенье курицу в горшке своем». Есть сведения, что эту фразу как свою повторила Екатерина

- А разве нет?..
- Верите еще?
- А вы не верите разве?
- Я?.. В российскую публицистику?

Прокофьев взглянул на Николая.

– Да вы в самом деле, Николай Иванович, вернулись из Аркадии, а не из Питера.

– Что ж в таком случае литература...

– По большей части переливает из пустого в порожнее... Надо же что-нибудь писать.

– Вот как... И, следовательно, заниматься ею...

– То же занятие, что мух хлопать! Это ново для вас, что ли? Поживете, тогда другое запоете, если не привыкнете, а впрочем, попробуйте-ка изложить на бумаге и напечатать то, о чем вы так горячо за обедом говорили. Попробуйте-ка! – усмехнулся ядовито Прокофьев. – А мы прочтем-с!..

– Вы как-то безнадежно уж смотрите.

– Не безнадежно, а не обманываюсь. Нет, батюшка, вашими писаньями не проймешь... Не нам с вами чета – люди пробовали. Не проймешь! – добавил он с какою-то глубочайшей ненавистью в голосе.

Прокофьев умолк и попыхивал папироской. Николай поглядывал на него. Любопытство его было возбуждено. «Кто этот человек, говорящий так решительно, с такой безнадежностью?» Он уже не сердился на Прокофьева. Этот человек невольно внушал к себе уважение. Что-то притягивающее было во всей его фигуре, в его пытливых темных глазах, в его голосе, в манерах.

– Вы здесь давно? – спросил Николай.

– Два месяца, – на заводе у Смирновой. Обедаю у них два раза в неделю, когда имею доклады.

– Какие доклады?

– Да у бабы этой... Она ведь министр... Хотя ничего не понимает, а все ты ей докладывай...

– И докладываете?

– Сколько угодно...

– Вы технолог?

– Маракую немножко... А вы в первый раз в этом доме?

– В первый.

– Семейка любопытная, самого модного фасона...

– Кажется, Смирнова умная женщина?

– Сама-то? Очень даже умная баба. Линию свою ведет правильно. Говорят, в Питере салон держит. И барышни умные – верно уж знаете! – одна изучает Спенсера, а другая химию... Только все в девках! – рассмеялся Прокофьев. – Приданого нет, а Присухин не клюет...

– А Горлицын?

– Известный молодой ученый... тоже не клюет... до той, до белобрысой добирается. У нее, кажется, припасено добра для супружества... только папенька с маменькой предпочитают вместо химика... какую-нибудь птицу почище... Но держу пари, химик пролезет: даром что глуп, зато апломба у него много, а впрочем, кажется, и предмет свой знает.

– А эта... красавица, старшая дочь?

– Эта-то?.. Ну, эта будет повыше сортом. По крайней мере не пыжится, а просто себе живет, как бог на душу положит. Ей бы принцессой какой-нибудь – настоящее дело. Потеша-

---

П. В устах революционера Прокофьева она звучит как саркастический намек на прекраснодушные пожелания и никчемные разговоры либералов о подъеме благосостояния крестьян в условиях самодержавия и помещичьего гнета.

ется над всеми, а больше всего над котом этим – Присухиным, а он глаза только жмурит. Берегитесь, а то и вас зацепит... Вы, верно, охотник до амуров-то? Так-то-с! Однако я тут с вами болтаю, а мне к докладу пора, – прибавил он, взглядывая на часы и подымаясь. – До свидания. Заходите когда... на завод. Побеседуем. Может, и материалу для статейки наберетесь. Материалу довольно... народу много!

– Непременно, – проговорил несколько обиженный за «амуры» Николай.

– Да, вот еще что... Вы когда отсюда?..

– Послезавтра.

– Так скажите брату, чтобы к Лаврентьеву в четверг заходил.

– Вы разве Васю знаете?

– Видел раз. Хороший парень ваш брат!..

Прокофьев ушел, а Николай остался сидеть на скамье. «Удивительное сходство с тем!.. – подумал он, глядя вслед удалявшемуся Прокофьеву. – Непременно пойду к нему!..»

Когда Николай вернулся в комнаты, все барышни сидели в гостиной вокруг стола и слушали Горлицына. Николай остановился на пороге, оглядывая все общество. Присухина и Нины не было.

А тихий, несколько гнусавый голос молодого ученого отчетливо читал в это время:

– «Между поклонением идолам и поклонением фетишам не существует ни малейшего сколько-нибудь резкого скачка. В Африке видимым фетишем часто служит человекообразная фигура; иногда же эта фигура менее похожа на человека и всего более похожа на воронье пугало».

«И не только в Африке, а в Васильевке тоже!» – мелькнуло в голове Николая при виде барышень, с немим восторгом внимающих объяснениям и комментариям Горлицына.

Он вышел снова в сад. Не хотелось ему слушать чтение. Вечер был превосходный, к тому же он рассчитывал встретить Нину Сергеевну.

Николай обошел сад и не встретил никого. Уже он хотел было возвратиться, как из беседки, обвитой плющом, стоявшей в конце сада, раздались голоса... Он пошел на голоса.

Вдруг оттуда раздался звонкий, веселый, заразительный хохот – Николай обрадовался, узнав голос Нины, – и вслед за тем насмешливые слова:

– Полноте... полноте, Алексей Алексеевич. Это вовсе вам не к лицу.

– Вы, по обыкновению, смеетесь, Нина Сергеевна. Неужели вы не знаете, зачем я сюда приехал?!

– Я думаю... отдохнуть...

– Вы знаете... я...

Голос Присухина совсем понизился.

– Вы?... Да разве вы можете любить?

И звонкий раскат смеха снова раздался по саду.

Николай повернул назад, но в это время из беседки вышла Нина, а вслед за ней и Присухин.

– Николай Иванович! – воскликнула Нина, – где это вы пропадали? Я вас искала! Пойдемте-ка гулять, – сказала она, подходя к молодому человеку. – А вы, Алексей Алексеевич, верно, заниматься пойдете? – насмешливо произнесла молодая женщина.

– Заниматься!.. – проговорил Присухин, удаляясь.

Николай обрадовался, что хоть в любви бывший его противник потерпел сильное поражение и имел вид ошпаренного кипятком кота.

– Где это вы были все время?

– С Прокофьевым беседовал.

– Он вас удостоил... Он вам понравился?

– Как вам сказать... Я совсем его не знаю.

– Но первое впечатление?

– Хорошее.

– Я верю в первое впечатление. Вы, например, произвели первое впечатление хорошее.

И я думаю, что мы будем с вами друзьями... Как вы думаете?

Они весело болтали, как два школьника, и когда вернулись к чаю, то Николай был совсем очарован Ниной Сергеевной.

XII

Вместо трех дней, которые Николай рассчитывал провести у Смирновых, он прогостил в Васильевке целых шесть и не заметил, как пролетело время в приятном и комфортабельном безделье. Пора было собираться домой, а молодой человек медлил отъездом, тем более что все любезно упрашивали его остаться, как только он заикался об отъезде.

Недаром Николай обладал способностью привлекать к себе людей. Он произвел самое благоприятное впечатление на Смирновых. Его красивая, располагающая наружность, подкупающая искренность, простота и изящество манер, даже самоуверенный задор избалованной юности – все это невольно располагало в его пользу, так что через день-другой после знакомства все смотрели на Николая, как на короткого знакомого, и единогласно порешили, что Вязников очень умный и необыкновенно симпатичный молодой человек, которому предстоит блестящая будущность. Он понравился решительно всем: и матери, и дочерям, даже Присухину и молодому ученому Горлицыну. В нем не было отталкивающей нетерпимости. Всем с ним чувствовалось необыкновенно легко и свободно, и он со всеми держал себя с такой подкупающей простотой, что барышни сразу с ним стали на дружескую ногу и не считали нужным вести с ним беседы о Спенсере и химии и даже не обижались, когда он подсмеивался. Он делал это так симпатично, так мило, что нельзя было обидеться.

Надежда Петровна сразу решила, что молодой человек непременно будет известностью и составит украшение ее гостиной по четвергам. «Он мог бы жениться на Женни!» – промелькнуло у нее в голове, и она рассчитывала со временем заняться этим планом.

Алексей Алексеевич Присухин, несколько косо поглядывавший на молодого человека после того, как Вязников осмелился вступить с ним в спор, через два дня смягчился и даже удостоил Николая пригласить к себе наверх и показать ему свои работы, причем сумел так тонко и незаметно польстить самолюбию молодого человека, что Николай несколько размяк и уже не чувствовал к Присухину той ненависти, какую почувствовал после спора. Он, правда, не соглашался с ним в мнениях, находил, что известный присяжный поверенный смотрит на вещи слишком исключительно, но уже «культурной канальей» его не обзывал, а, напротив, был даже польщен, что такой известный человек, как Присухин, относится к нему с большим уважением. Даже молодой ученый Горлицын перестал пыжиться перед Николаем и в разговорах с ним был как-то проще, не говорил докторальным тоном и не держал себя с тем апломбом, который так не понравился Вязникову вначале.

И Николай, под впечатлением общего любезного отношения к нему, незаметно для себя самого отнесся ко всем новым знакомым своим гораздо мягче, чем вначале. Он был из числа тех натур, которые любят, чтоб их любили. Ненависть подавляла его. Он, разумеется, никогда не будет в одном лагере с присухиными и горлицыными. Он посмеивался над Смирновой, над ее либеральными взглядами, в которых видел одну лишь модную вывеску, но под впечатлением оказанного ему внимания все-таки сумел найти для нее если не оправдание, то смягчающие обстоятельства... Уж одно то обстоятельство, что его могли оценить, говорило в их пользу.

Хотя Николай и уверял себя, – собираясь уверить в том же и своих стариков, – что он загостился так долго у Смирновых ради изучения любопытной семьи, но сам он хорошо чувствовал ложь своих уверений и в глубине души сознавал, что его очень заинтересовала Нина, эта загадочная, ослепительная рыжеватая красавица с тонкой усмешкой и светлым взглядом, то ласковая, нежная, даже будто робкая, то вдруг недоступная, гордая, молчаливая... Недаром Прокофьев назвал ее принцессой, недаром, вероятно, отец с матерью советовали Николаю остерегаться ее. А между тем в ней было что-то притягивающее, чарующее, ослепительно красивое и изящное, так что Николай незаметно увлекался Ниной Сергеевной, увлекался ее красотой, изяществом и тою загадочностью, которая именно составляла для него чуть ли не

большую прелесть очарования. Невольно при сравнении с этой женщиной Леночка казалась такой мизерной, такой несчастенькой, что Николай даже удивлялся, как Леночка могла хоть на минуту занять его... Нина являлась какой-то загадочной натурой, а в Леночке все было так ясно и просто, как в хорошо знакомой книге...

И Нина, по-видимому, обращала особенное внимание на Вязникова и заинтересовалась им, но вообще держала себя неровно: то обожжет его одним из тех взглядов, после которых молодой человек вздрагивал и вспыхивал, то, напротив, смотрит с такой нескрываемой насмешкой, что Николаю делалось жутко.

«Что это за женщина?» – часто думал Николай, любуясь ослепительной красавицей и чувствуя, как она дразнит его, именно дразнит, но в то же время как будто и ласкает своим чарующим взглядом... В ней была независимость, смелость, простота, какое-то отвращение к фразе и ходульности... Она не скрывала своего презрительного отношения к Горлицыну и Присухину, но в то же время вела самую пустую жизнь и как будто даже гордилась тем, что ничего не читает. Из разных намеков, недосказанных слов Николай узнал, что она не особенно была счастлива с мужем, что после его смерти долго жила за границей, веселилась, но затем вела самую тихую жизнь. Все ей надоело, опротивело...

Да и кроме интереса, возбужденного Ниной, Николаю понравился весь склад жизни в доме Смирновых (хотя в этом он ни за что бы не сознался): все там было так хорошо приспособлено и приурочено, все делалось вовремя, без шума, без суеты, никто никого не стеснял, даже лакеи в доме были какие-то степенные и умелые...

До завтрака все сидели по своим комнатам и делали что хотели, собирались к завтраку по звонку, и Николай видел всегда чистые, свежие платья, чистое белье, чистых лакеев. После завтрака опять каждый делал что хотел... Барышни обыкновенно читали, а Надежда Петровна снова запиралась в кабинете; затем обед, прогулки и т.п. Очень удобно жилось при такой обстановке, время было точно распределено и проходило незаметно. Невольно эта жизнь втягивала Николая и нравилась ему после сутолоки меблированных квартир и некоторой барской распушенности жизни дома. Эстетическое чувство никогда не оскорблялось, грязь и суета мещанской жизни не били в глаза.

«По крайней мере умеют люди жить по-европейски».

Во время пребывания Николая в Васильевке Прокофьев обедал только один раз и, по обыкновению, молча просидел весь обед.

После обеда он подошел к Николаю и, пожимая ему руку, заметил:

– Наблюдаете еще здесь?

Николаю послышалась насмешка в тоне Прокофьева. Он вспыхнул весь. Ему вдруг сделалось совестно перед Прокофьевым за то, что он так долго гостит у этих «культурных каналов», и в то же время досадно, что Прокофьев как будто подсмеивается.

– Еще наблюдаю! – отвечал он. – Любопытная семейка! – прибавил Николай, как будто оправдываясь и досадуя, что оправдывается.

– Ничего себе, особенно принцесса. Как насчет амуров? Успеваете, а?

– Вы все изволите шутить! – сухо проговорил Николай.

– Какие шутки? Экий вы «обидчистый», как говаривала моя маленькая сестренка, – добродушно рассмеялся Прокофьев. – Ведь в самом же деле кусок лакомый... вдобавок загадочная натура... Когда же ко мне? Заходите как-нибудь – поближе познакомимся, а теперь до свидания... пора к докладу. Скоро едете?

– Завтра.

– Смотрите, принцесса не пустит! – пошутил опять Прокофьев.

– Работать пора, и так уж довольно бью баклуши... надо за дело.

– По части писания? Насчет курицы в супе?

– Да! – почти резко ответил Вязников, задетый за живое тоном своего нового знакомого.

– Бог вам в помочь!

«Это еще что за сфинкс ²²?» – несколько раздраженно повторил Николай, поглядывая вслед Прокофьеву и чувствуя невольное уважение к «сфинксу». Какой-то спокойной силой веяло от этой мощной высокой фигуры; энергией и волей дышало его скуластое, мужественное, выразительное лицо. Непременно хотелось узнать поближе этого человека, так ли много даст он, сколько обещает.

– А мы с вами, Николай Иванович, в сад? Будем болтать? – раздался сбоку веселый голос Нины Сергеевны. – Что это вы как будто не в духе? Или господин Прокофьев нагнал на вас хандру?

– Нисколько. Вы беседовали когда-нибудь с Прокофьевым?.. Не правда ли, мужественная фигура?

– А, право, не обращала внимания! – равнодушно проронила Нина. – О чем он будет со мной говорить?

– Что он здесь делает?

– Да я почему знаю? Управляет на заводе, а что он делает – мне-то какое дело? Знаю только, что молчит, и это уже большая рекомендация. Так надоели все эти умные разговоры. Ужасно надоели. Ну, пойдемте... Или вы, быть может, хотите остаться с барышнями?

– Вовсе не хочу! – рассмеялся Николай.

– И даже вовсе! – засмеялась Нина, вбегая в густую аллею. – Это очень мило с вашей стороны. Если бы сестры услышали, то я бы вас не поздравила.

– И вы шутить охотница, как я посмотрю, Нина Сергеевна.

– Что значит: и вы?.. Кто еще шутит?

– Прокофьев.

– Будто? Разве он умеет шутить?

– Еще как ядовито.

– Вот как!

– Вы бы с ним поближе познакомились. Право, очень интересный человек.

– Довольно мне и вас... И вы интересный!

– Я завтра уезжаю.

– Так скоро? Надоело?

– Не то... Пора и честь знать...

Нина на секунду задумалась, потом внезапно усмехнулась и проговорила:

– Вы решили непременно завтра бежать?

– Не бежать, а ехать. Бежать еще рано.

– И не придется... Куда вы торопитесь?

– Дела...

– Дела? – переспросила она, взглянула на Николая и рассмеялась. – Какие у вас дела?

Николай и сам рассмеялся.

– Оставайтесь! – проговорила она вдруг повелительным тоном, улыбаясь в то же время так нежно и ласково, что Николай на мгновение притих и изумленно взглянул на Нину.

– Вы хотите? – прошептал он.

– Хочу.

– Так я останусь на один день.

– А на два?

– Пожалуй, и на два! – улыбнулся Николай.

– А на три?

– Вы... вы тешитесь, Нина Сергеевна... видно, вам в самом деле в деревне очень скучно!

---

²² Сфинкс – здесь: человек загадочный, таинственный.

– А то как же!

Николай любовался молодой женщиной с нескрываемым восторгом. Он взглядывал на ее пышную грудь, на ее сверкавшие ослепительной белизной плечи и вздрагивал пробуждающей страстью молодости.

А Нина Сергеевна шла себе спокойно, точно ничего не замечая, шла вперед, в глубь аллеи, медленно обрывая на ходу сорванную ветку.

– Что же вы молчите, Николай Иванович? Останетесь три дня?

– Три дня – слишком много. Пора к старикам.

– Как хотите. Я вас прошу, потому что (она нарочно сделала паузу)... потому что с вами скучать веселей, право. Не то, что с Алексеем Алексеевичем.

– Умных разговоров не веду?

– Во-первых, умных разговоров не ведете, а во-вторых...

– А во-вторых?

– Юный вы еще... Не совсем изломанный... и то редкость!

– Благодарю за честь...

– Не благодарите пока. Поблагодарите после.

Нина произнесла последние слова как-то особенно, подчеркивая их.

– Впрочем, вам это полезно! – произнесла она, как бы отвечая на свои мысли.

– Что полезно?..

– Наблюдать людей! – рассмеялась она.

– Вы все говорите нынче загадками, Нина Сергеевна.

– Такой стих напал.

– От нечего делать?

– Пожалуй, что и так! – промолвила она и лениво зевнула...

– А с Горлицыным пробовали скучать?

Она улыбнулась.

– Пробовала, но только он невыносим, хотя, говорят, и ученый человек. Впрочем, для Нюты Штейн он будет превосходным мужем в немецком вкусе. Она будет молиться на него, вязать ему чулки и дарить ему детей, а он будет, в качестве гениального человека, третировать ее. И оба будут счастливы.

– Вы, как посмотрю, мрачно смотрите на людей.

– Ах, если б вы только знали, как они мне все надоели, эти ваши петербургские развитые люди. Я их довольно насмотрелась. До тошноты надоели, ей-богу. И все говорят, говорят, говорят, – как им не надоест! Скучно слушать. Вы вот хоть не имеете пагубного намерения развивать меня, и за то с вами не так скучно.

– Разве другие пробовали?

– Пробовали, – рассмеялась Нина. – Все, много их там, все пробовали. Горлицын даже химии учил меня.

– Вас – химии?

– Меня и... вообразите... химии! Недели две занимался, а потом рассердился и бросил, увидав, что я хохочу и над ним, и над его химией. Присухин все-таки умнее: он химии меня не учил, но больше говорил о назначении женщины и о прелести быть другом и помощницей такого замечательного человека, как он. Разумеется, не прямо, а больше в своих красноречивых речах. Всего было! – протянула Нина. – Но самая скука в том, что обыкновенный финал всех этих попыток...

– Руку и сердце? – подсказал, смеясь, Николай.

– Вы угадали! Ужасно глупая у них манера ухаживать. Они воображают, что умные разговоры – самая лучшая увертюра к любви. Да они, впрочем, разве умеют любить? Так только,

умные слова о любви говорят. Заранее знаешь, чем все это кончится, и только ждешь, скоро ли признание, или нет. Все это ужасно скучно.

Говоря, что все это «ужасно скучно», Нина Сергеевна опустила голову и в раздумье подвигалась вперед по аллее.

– Знаете ли, какой я вам дам совет, Николай Иванович, благо вы еще молоды, а я уж не молода.

– Вы... не молоды?

– Мне двадцать восемь лет, молодой человек! – произнесла она как-то степенно. – Никогда не резонерствуйте перед женщиной и не играйте комедии любви. Это может очень дорого стоить.

– Никогда не буду! – шутливо проговорил Николай.

– Не смейтесь. Теперь я серьезно говорю.

– Вас не разгадать: когда вы серьезно, когда нет.

– Выучитесь... Надеюсь, мы с вами останемся друзьями, и вы не удивите меня признанием. Правда ведь?..

– А если?.. – улыбнулся он.

– Тогда с вами будет скучно...

– И вы рассердитесь?

– Рассержусь.

«Так ли?» – подумал Николай, взглядывая на Нину.

– Так рассердитесь? – повторил он.

– И даже очень! – прошептала Нина.

Эти слова кольнули Вязникова.

– Странная вы, Нина Сергеевна!.. – произнес он.

– Странная? – переспросила она. – Вы мало еще женщин знаете! А может быть!.. Впрочем, про меня и не то говорят. Вас разве не предостерегали?

– Нет.

– Так ли? – спросила она, заглядывая Николаю в лицо.

– Положим, предостерегали.

– Я была уверена. К чему вы хотели скрыть это! Мне, право, все равно, что говорят про меня. Я к этому равнодушна.

В голосе ее звучала презрительная нота.

– Тем более что я знаю, как пишется история, особенно история хорошенькой женщины... Однако повернемте назад... Мы сегодня зашли с вами далее обыкновенного. Пожалуй, Алексей Алексеевич переменит мнение насчет ваших талантов...

Они пошли назад. Нина прибавила шаг.

– И страшные вещи рассказывали? – заговорила молодая женщина.

– Ведь вам все равно.

– Вы не верите? Мне, может быть, все равно, но все-таки женское любопытство...

– Ничего страшного. И может ли быть страшное?..

– Кто знает! – тихо проронила Нина.

– Вы хотите запугать меня?

– Ничего я не хочу! – с досадой проговорила Нина. – Так как же рисовали меня, говорите?!

– Никак, просто советовали беречься.

– Пожалуй, что вам нечего было советовать...

– Отчего мне именно?..

– Мне кажется... Оттого-то с вами и весело.

Они подходили к дому. Вся компания шла к ним навстречу.

- Так вы не боитесь остаться?.. Останетесь? – поддразнивала молодая женщина.
- Чего бояться, я не из трусливых.
- Вот это славно. И скоро приедете?
- Приеду.
- И признания не сделаете?..
- Не сделаю! – рассмеялся Николай.
- Вашу руку! Значит, мы останемся друзьями и приятно проведем лето, – весело сказала она, пожимая Николаю руку, – а потом...
- Что потом?
- Да ничего. После будут новые впечатления и у вас и у меня.
- Вы до них охотница...
- А вы? Разве нет? – шепнула она, посмеиваясь как-то странно.

ХІІІ

– Куда это вы, mesdames, собрались? – крикнула она, подбегая к сестрам.

– На озеро. Хочешь ехать, Нина? Ты, кажется, сегодня в духе и не отравишь прогулки! – засмеялась Евгения.

– Вот как рекомендуют меня сестры, Николай Иванович!.. Нечего сказать, хорошая рекомендация. Так вы удостоиваете пригласить меня?

– Приглашаем!

– Принимаю приглашение и обещаю не отравить прогулки, но, с своей стороны, также предлагаю условие.

– Какое?

– Чтобы... Вы не сердитесь, добрейший Игнатий Захарович! Чтобы Игнатий Захарович обещал не вести умных разговоров. Обещаете, Игнатий Захарович?

Молодой ученый покраснел, прищурил свои красноватые глазки, однако сохранил все тот же серьезный вид и проговорил:

– Желание Нины Сергеевны будет свято исполнено!

«И этот мозгляк думал развивать Нину Сергеевну! – невольно пронеслось в голове у Николая. – С ней заниматься химией?! Вот-то дурак!»

Нюта Штейн, желая вознаградить молодого ученого, подняла свои большие, выпуклые глаза и взглянула на него сочувственным, долгим взглядом, словно бы говоря им: «Не сердись на нее. Она не в состоянии понять тебя!» Но, к крайнему изумлению добродушной барышни, молодой ученый строго взглянул на свою ученицу, так что она покорно опустила глаза и долго не подымала их, как бы чувствуя себя виноватой.

– Вы тоже, надеюсь, поедете, Николай Иванович?

– С удовольствием.

– А Алексей Алексеевич едет? – спросила Нина.

– И он едет!

– Да это будет превесело!

Целая компания, усевшись на долгушу²³, отправилась к озеру. Нина Сергеевна сдержала свое обещание не отравить прогулки. Она была в духе, весела, разговорчива и оживляла все общество. Она болтала без умолку, шутила с Присухиным, заставила его рассказать несколько анекдотов, – он отлично рассказал их, – добродушно останавливала молодого ученого, когда тот покушался было на серьезный разговор, и, когда приехали на озеро, спела по общей просьбе романс. Она пела превосходно, и у нее был густой, звучный контральто. Все притихли, когда она пела.

А Николай любовался молодой женщиной, с грустью думая, что он должен ехать домой. Нина не шутя увлекла нашего молодого человека. В ней было что-то раздражающее нервы, возбуждающее любопытство, подымающее горячую молодую страсть. Хотелось заглянуть в эти смеющиеся глаза, заглянуть глубоко и узнать, что такое на душе у этой красавицы. Кто она? Бездушная ли кокетка, ищущая новых впечатлений, или одна из тех натур, которых не удовлетворяет пошлость окружающей жизни и они от тоски забавляются чем попало? Или, наконец, просто чувственная женщина; красивое животное...

«Нет, нет... Этого не может быть!» – повторял про себя Николай, негодуя, что такая мысль могла даже прийти ему в голову.

Кто бы ни была она, не все ли равно? Он никогда не встречал таких женщин, вращаясь в дни студенчества совсем в другом обществе. Она такая изящная, выхоленная, ослепительная.

---

²³ Долгуша – экипаж с кузовом, помещенный на длинных дрогах.

Ему даже казалось, что он любит молодую женщину, любит сильно. Одна мысль, что и она могла бы полюбить его, приводила Николая в восторг. Он фантазировал на эту тему в ночной тиши, лежа на кровати с зажмуренными глазами. Страсть рвалась наружу. Любуясь ею днем, он еще сильнее любовался ею в мечтах и даже мечтал, как бы они устроились. В эти минуты любовных грез он впадал в идиллически-сладострастное настроение, воображая себя счастливым мужем, а Нину счастливой женой. В образе жены она распалала его воображение, и он долго не мог уснуть. Просыпаясь утром, он думал, как бы поскорей увидеть Нину.

«Кокетничает от скуки!» – подумал и теперь Николай, испытывая ревнивую досаду, когда увидел, что Нина отошла в сторону с Присухиным и о чем-то с ним говорила, гуляя по берегу, должно быть о чем-нибудь интересном, так как Алексей Алексеевич внимательно слушал, склонив набок голову, и как-то весь сиял, сиял особенным блеском.

«И с ним она забавляется!.. С кем же она не шутит? Кто такой счастливец?» – спрашивал он себя, и боже мой, чего бы ни дал он в эти минуты, чтобы быть этим счастливцем!..

Начинало смеркаться; стали собираться домой. После весело проведенного вечера все как-то притихли.

Случайно или нет, но только Нина села около Вязникова. Было тесно, и он невольно слишком близко сидел от молодой женщины. Когда она поворачивала голову, его обдавало горячим дыханием.

– Что вы молчите? Говорите о чем-нибудь! – промолвила Нина.

Николай взглянул на нее в темноте. Она заметила, как сверкнули его глаза.

– Говорить... О чем говорить? Вы сами не любите, когда говорят, говорят, говорят...

Он проговорил эти слова как-то странно. Нина отвернулась и заговорила с сестрой. Когда приехали домой, чай уже был готов. Все вошли в столовую, где за пасьянсом ждала хозяйка. Незаметно Николай проскользнул на террасу и полной грудью дышал свежим воздухом, вдыхаясь в мрак сада.

– Мечтаете? – раздался сзади знакомый шепот. – О чем это? Лучше пойдемте-ка пить чай, – проговорила Нина, наклоняясь к нему.

– Ну, так сердитесь же.

И с этими словами он припал к ее руке, осыпая ее поцелуями. Она не спеша отдернула руку, пожала плечами, усмехнулась и молча ушла в комнаты. Когда Николай вернулся в столовую, ее не было. Целый вечер она не показывалась, и Николай пришел в свою комнату сердитый, что попал в глупое и смешное положение. Теперь она будет смеяться. Одна мысль о том, что он смешон, приводила его в бешенство.

«Однако ж я порядочный болван!» – обругал он себя самым искреннейшим образом.

Весь дом уже спал, а Николай еще не ложился. Он был в каком-то возбужденном состоянии: сердце билось сильнее, дрожь пробегала по телу, нервы были натянуты. Он ходил взад и вперед по комнате, напрасно стараясь не думать о Нине, а между тем все мысли его были поглощены образом роскошной красавицы. То казалось ему, что она рассердилась и презирает его за его пошлую – именно пошлую – выходку, достойную разве гимназиста, или – что для нашего молодого человека было еще большее – она смеется над ним, как смеется над Присухиным, Горлицыным и мало ли над кем еще. То, напротив, представлялось ему, и так живо, что она не сердится, нет... Она заглядывает в его глаза нежным, ласкающим, манящим взглядом, обвивает его шею ослепительно белыми руками и шепчет: «Я люблю тебя, люблю».

– Что за чепуха! – повторил он громко и взглянул на часы. – Уже два часа! Пора ложиться спать, но спать не хочется... душно как-то.

Николай подошел к раскрытому окну и долго стоял, всматриваясь в мрак густого, косматого сада. Хорошо так, тихо. Только ночной шорох дрожал в воздухе. Деревья не шелхнутся. Небо блестело звездами. Ласкающей свежестью дышала прелестная, тихая ночь.

Николай затушил свечку, присел у окна и задумался. На него нашло мечтательное настроение. Тоска молодой страсти, безотчетная тоска охватила его. В эту минуту ему казалось, что он очень несчастлив. Хотелось с кем-нибудь поделиться своим горем, но непременно с женщиной, с красивой женщиной.

Снизу раздался тихий скрип, точно отворились двери. Николай невольно вздрогнул и напряженно смотрел вниз. Опять скрипнула половица на террасе, через мгновение белая тень мелькнула перед его глазами и скрылась в глубине сада. Снова все стихло.

«Это она! – блеснула мысль у Николая, и он тотчас же решил идти вслед за нею. – Это непременно Нина!»

Он спустился вниз, осторожно через темную залу вышел на террасу и пошел в глубь сада, прислушиваясь напряженным ухом и напрягая взор: не мелькнет ли белая тень? Сдерживая дыхание, подвигался он вперед, но никого не было. «Уж не галлюцинация ли?» Он шел дальше, по направлению к беседке. Вдруг до него долетели тихие голоса. Они показались ему какими-то мягкими, нежными.

– В беседке... свидание, верно! – шепнул ревниво он и, не думая, что делает, как тень подвигался вперед.

Он был в нескольких шагах от беседки и притаился за деревом. Мягкий звук поцелуя отчетливо прозвучал в ночной тиши, еще, еще и еще.

– Так вот она, разгадка!.. Кто ж этот счастливец? Неужели Присухин, неужели Горлицын?

Едва успел он подумать, как из беседки раздался тихий мужской голос и вслед за тем сдержанный, ласкающий смех. Николай сразу узнал этот смех, но голос? Чей этот знакомый, мужественный, повелительный голос?

Он жадно вслушивался и в изумлении остолбенел.

– Прокофьев! – вырвался из груди Николая беззвучный шепот. – Вот кто этот счастливец, а она, она... хитрая!

Он бросился прочь и долго бродил, как шальной, в темноте сада. Это открытие совсем поразило его.

– Прокофьев и Нина! Удивительно!

Невольно тянуло его снова к беседке. Опять долетели звуки поцелуев. Опять шепот, замиравший в ночной тиши. Николай пошел было назад, как до ушей его долетело его имя, вслед за которым раздался смех. Он остановился.

– Готов и этот нежный юноша? – насмешливо произнес Прокофьев. – Для счета?

– От нечего делать! – засмеялась Нина.

– Не надоело еще?

– Тебе это не нравится? – покорно сказала Нина.

– С богом! – как-то насмешливо произнес Прокофьев. – Хищная у тебя природа. Только, смотри, не дошутись. Он ничего, юноша красивый и насчет амуров, должно быть, ходок...

Николаю показалось, что в голосе Прокофьева звучало раздражение.

– Послушай, ведь ты знаешь... видишь...

– Вижу и знаю. Нечего нам уверять друг друга, но только... а впрочем, что говорить! Тебя разве убедишь? – усмехнулся Прокофьев. – Когда его отправляешь?

– Послезавтра.

– Оставила на денек! Экая ты какая... Ну, однако, пора мне. Завтра еду.

– Завтра? И до сих пор ничего не сказал? Надолго?

– Не знаю.

– Куда... можно спросить? – послышался робкий вопрос Нины.

– Не все ли тебе равно куда? Дела.

– Странные у тебя дела! Три месяца пропадал, три месяца не писал. Я и не знаю, что ты делаешь!

– И к чему знать тебе?

– Тайны? – усмехнулась Нина.

– Тайны, моя милая... Могу только заверить тебя, что не любовные... Ну, до свиданья. Поцелуй еще раз... вот так. Да смотри, пожалей Сердечкина. Сердце у него нежное, у этого юбочника. Не смущай его... Может, из него и толк выйдет, если между хорошими людьми будет вертеться... Свежесть есть...

– Уж не ревнуешь ли ты?

– Этим не грешен, кажется... а все ж предупреди, если готовишь его в кандидаты на мое место.

– Ты с ума сошел? Тебя променять на кого-нибудь? Тебя?

– Отчего ж?

Голос Прокофьева вздрогнул, когда он сказал эти слова.

Снова послышался шепот.

– Полно, полно, Нина... я пошутил.

– Дай хоть знать о себе! – сквозь слезы говорила Нина. – Долго не видать тебя, не знать о тебе – ведь это мука. Мало ли что может случиться!

«Они давно знают друг друга!» – пронеслось в голове Николая.

– Упреки? – резко сказал мужской голос.

– Что ты, что ты! Я разве жалуюсь?

В голосе ее звучала тревога и мольба.

– По крайней мере, если можешь, скажи приблизительно, когда ждать?

– Через две недели. А если не буду, получишь известие через Лаврентьева.

– Деньги возьмешь?

– Нет, пусть остаются у тебя. Да не болтай вообще. Твоя мать...

Он понизил голос, так что Николай ничего не слышал.

– Пора, пора! С тобой и время забудешь. Прощай, рыбка моя... прощай, Нинушка, царевна моя ненаглядная! – с глубокой нежностью проговорил Прокофьев. – Если что, не поминай лихом.

Послышались рыдания.

Николай скоро был в комнате. Он разделся, лег в постель, но заснуть не мог. Самолюбие его было ужалено. Его жалели, о нем говорили с небрежностью, над ним издевались. Он вспоминал разговор в беседке, и куда девалось горячее его чувство к Нине! Молодая женщина была права: любовь его как рукой сняло. Он был почти равнодушен к Нине Сергеевне.

– Но кто этот таинственный Ринальдо²⁴? Почему он смеет так говорить о нем? Сам-то он что за птица? – повторял молодой человек, ворочаясь с боку на бок и завидуя счастливицу. О, как хотелось ему доказать этому Прокофьеву, которого он совсем не знал, всем доказать, что он далеко не мягкосердый юноша, что из него выйдет толк, что он готов на все честное, хорошее, что он пострадать готов за свои убеждения... И он докажет это, непременно докажет...

Николай под утро наконец заснул, после того как он в мечтах совершил много хороших дел, обнаруживших силу его характера и доблесть, и подосадовал, что Нина так скверно над ним подшутила.

Когда на следующий день снопы яркого света ворвались в комнату Николая и он проснулся, первой его мыслью было уехать поскорей из Васильевки. В самом деле, он долго здесь бил баклуши... Пора бросить глупости и домой за работу; ему так много надо прочесть еще, а он целую неделю сибаритствовал среди этих «культурных каналов»...

---

²⁴ Ринальдо – имя героя популярного романа о «таинственных и благородных разбойниках» немецкого писателя Х.А. Вульпиуса (1762-1827) «Ринальдо Ринальдини» (1798).

Он чувствовал в эти минуты особенную бодрость, жажду к работе... В голове его роились планы превосходной статьи... Он напишет ее, о ней все заговорят... Она произведет впечатление... Господин Прокофьев прикусит язык и не скажет, что писать не стоит...

Странное дело! Николай сердился на Прокофьева и жаждал его одобрения... Ему почему-то хотелось подняться во мнении этого человека, так напоминавшего Мирзоева... Ему было и досадно и обидно, что о нем Прокофьев так небрежно говорил... Он непременно поближе с ним познакомится...

Но какое ему дело до Прокофьева? – вспомнил Николай и озлился.

– Наплевать мне на его мнение! – с сердцем проговорил он, но в то же время чувствовал, что это не так, что он только говорит «наплевать», а, в сущности, «наплевать» он не может, и не только на мнение Прокофьева, но и на мнение многих людей, которых он даже считал не особенно хорошими. Он стал припоминать и, к досаде его, припомнились разные подробности, как будто подтверждающие эту сторону его характера... Но он старался объяснить эти подробности иначе и в конце концов решил, что он самостоятельный человек, и еще раз утешил себя тем, что ему «наплевать!»

Недовольный, мрачный, сошел он к завтраку, хотя и напрягал все усилия, чтобы скрыть дурное расположение духа, но при своем сангвиническом темпераменте он не мог владеть собой, так что все обратили на него внимание и осведомлялись, здоров ли он, хорошо ли спал, и т.п.

Николай поспешил ответить, что совсем здоров и отлично спал. Он взглянул на Нину. Молодая женщина, по обыкновению свежая и ослепительная, сидела себе как ни в чем не бывало. Только – показалось Николаю – лицо ее сегодня было серьезнее, вот и все.

Он не обращал более на нее внимания и болтал с Евгенией... Нина Сергеевна равнодушно подняла на него глаза и про себя усмехнулась.

Когда Николай объявил, что завтра утром едет домой, и, несмотря на общие просьбы, решительно отказался остаться, Нина Сергеевна не без изумления взглянула на Николая. После завтрака она подошла к нему и спросила:

– Вы в самом деле едете?

– В самом деле...

– Что так? Хотели остаться поскучать вместе и вдруг бежать. Испугались?

– Испугался! – иронически ответил он.

Она пристально взглянула на Николая, и от нее не укрылась перемена, происшедшая в нем. Он уж смотрел на нее и говорил с ней не так, как вчера. Николаю показалось, что на лице молодой женщины скользнуло выражение испуга, но это было на мгновение... Глаза ее снова светились чарующим взглядом, все лицо ее улыбалось.

– Нет, без шуток, отчего вы едете? – ласково-заискивающим тоном спрашивала Нина. – Отчего вдруг изменили намерение?

– Пора ехать, Нина Сергеевна... И так я засиделся здесь и довольно уже наглупил! – прибавил он тише.

– А! – протянула она и больше не расспрашивала.

«Успокоилась!» – подумал Николай, когда Нина отошла от него.

И правда; Нина Сергеевна не заговорила больше в течение дня с молодым человеком и вечером простилась с ним очень холодно, даже не приглашала его приехать. Смирнова и барышни, напротив, любезно упрашивали Николая не забывать их.

– Вы непременно помогите нам устроить школу! – снова заговорила о школе Надежда Петровна. – Эту неделю я так была занята, что не успела заняться этим делом! С имением теперь столько хлопот, столько дел! – жаловалась Смирнова. – Крестьяне положительно не признают права собственности... рубят лес, портят поля... Счастливые! Вы не хозяйничаете...

Рано утром на следующий день Николай ехал домой и обрадовался, завидев родное свое гнездо.

– Работать, работать! – воскликнул он в каком-то одушевлении.

XIV

– Загостился ты, Коля. Целую неделю просидел там! – встретил Николая отец, горячо обнимая сына. – Разве так весело было?

– Не весело, а скорей интересно...

Старик пристально взглянул на Николая и, улыбаясь, повторил:

– Интересно?..

– Кто тебе там больше всех понравился?.. Рассказывай-ка! – спрашивала Марья Степановна, радостная, что Николай вернулся.

Признаться, она-таки очень беспокоилась, что Николай так долго гостит у Смирновых, и хотела было послать за ним лошадей, но Вязников остановил ее:

– Сам вернется... Пусть развлечется мальчик!

Николай не без юмора описал все семейство, рассказал о Присухине, о Горлицыне и несколько дольше остановился на Нине Сергеевне.

– Понравилась она тебе?

– Сперва – да... Немножко! – краснея, отвечал Николай.

– А потом? – допытывалась Марья Степановна.

– Потом – нет!

– Разгадал ее?

– Нет, мама... Эту женщину не так легко разгадать. Бог ее знает что она за человек. Во всяком случае, оригинальный...

– Просто пустая женщина; право, Коля, пустая, и больше ничего! – быстро подхватила Марья Степановна.

– Да ты что так горячишься? – улыбнулся Николай. – Не бойся, я не влюблен.

– Долго ли?.. Она большая кокетка.

– Ты, мама, уж слишком преувеличиваешь. Почему, ты советовала остерегаться ее?

– Не спрашивай, Коля. Бог с ней. Я не люблю, ты знаешь, повторять слухи, а о ней говорят нехорошие вещи...

– Мало ли что говорят, мама!

– И бог с ними. А я не судья чужих поступков! – кротко заметила Марья Степановна.

– Здорово, Васюк, здорово, братишка! – весело окликнул Николай, входя в комнату к брату. – О чем это ты размышлял?

Вася лежал на кровати одетый, в длинных своих сапогах и картузе, с закинутыми назад руками.

Он медленно повернул голову при восклицании Николая. Когда Николай приблизился и взглянул на Васю, то поражен был страдальческим выражением его лица. Видно было, какая-то упорная мысль болезненно работала в нем.

– Что с тобой, Вася?

Юноша поднялся с кровати, пожал крепко руку брата, улыбнулся кроткой своей улыбкой и проговорил:

– Я и не слыхал, как ты приехал. Впрочем, я и сам только что вернулся. В Залесье был.

– Да что с тобой? Ты какой-то возбужденный.

– Так нельзя наконец. Нельзя ведь так, Коля! – заговорил он тихим, странным голосом, медленно шагая по комнате. – Рассуди сам, можно ли так? Ведь это жестоко, совсем жестоко!

Он остановился прямо против Николая и глядел на него, но едва ли видел брата. Взор его голубых глаз убегал куда-то внутрь.

– Да ты о чем? Я ничего не понимаю.

– Неужели нигде нет правды, Коля? Неужели? О господи!

– Что случилось?

– Ты разве не знаешь? Да, ты у Смирновых был, я и забыл! – прибавил он. – Случилось, Коля, большое несчастье в Залесье. У мужиков там скоро все продадут, нищие будут совсем. Я только что оттуда. Через три недели придет пристав... Если бы ты видел, какое отчаяние!

– За что продадут?

– По иску Кривошейнова. Он дал им в прошлом году деньги под залог построек и хлеба и теперь требует их... У них ничего нет... Я был у Лаврентьева. У него тоже денег нет. Послушай, не знаешь ли ты, как помочь? – в волнении проговорил Вася. – Иначе может быть большое несчастье.

– Как ты волнуешься! В первый раз, что ли, узнал?

– Я давно знал, но теперь сам видел. Хочешь – поедем, увидишь, что делается в Залесье. Я папе говорил, и он сказал, что ничего нельзя сделать. Неужели ничего?.. И это совершается на глазах у всех!

– Что делать, Вася! Успокойся. Если из-за таких вещей волноваться, то тогда и жить нельзя.

– А разве можно видеть это и... жить? – произнес он глухим голосом.

Он умолк. Напрасно Николай старался его успокоить.

Вася, не прерывая, слушал горячие речи брата, недоверчиво покачивая головой.

– Все то, что ты говоришь, Коля, я слышал уже. Вот и папа почти то же говорит... Оба вы, знаю я, честные, хорошие, добрые, но – прости меня, брат, – от ваших слов не легче, и никак не убедят они меня.

– Ты просто болен, брат, вот что я тебе скажу...

– Может быть, и болен... пожалуй, что и болен!.. – подхватил Вася. – Иной раз думаешь, думаешь... просто до боли думаешь, и, что всего ужаснее, то есть больнее, что ничего не придумаешь, и сознаешь себя таким дрянным, ничтожным, себялюбивым подлецом...

– Что ты, что ты! – улыбнулся брат.

– Смейся, Коля, а оно так... Ах, когда-нибудь открою я тебе свою душу... Больная она в самом деле... Ты вот говоришь: все так живут... А почему все так живут? Отчего иначе не живут? Разве нельзя иначе жить? Неужто вечно брат должен терзать своего брата?..

Он остановился, задумчиво взглянул на Николая и продолжал:

– Отчего Петр готовит нам кушанье, а я не готовлю? Отчего ж я вот и ем каждый день, и сплю на постели, а другие голодны и не призрены? Отчего? Где узнаю я, отчего?.. Кто объяснит это?.. Ты опять скажешь: все так, но мне-то, мне, моей душе разве от этого легче? Пойми ты!

Он с какой-то болью произнес эти слова, ожидая возражения, но Николай молчал, изумленный исповедью бледнолицего юноши.

«Откуда все эти мысли? Как он дошел до такого состояния?» – спрашивал себя Николай, вспоминая прежнего Васю. Прежний Вася не такой был, казалось ему.

– Ты вот говоришь, и папа тоже говорит, что надо быть добрым, честным, но как быть добрым, как быть честным? И разве я честен, разве добр?.. Подлец я, Коля, вот кто я такой... Я все раздумываю, а ведь давно бы следовало делать...

– Что делать?..

– Жить иначе... Какое имею я право жить так?.. Ответь мне...

И, не дожидаясь ответа, Вася продолжал:

– Ты вот думаешь, что всегда будет так, всегда человек будет делать другому зло, а я верю... глубоко верю, что так не будет и не должно быть... Не может быть... иначе зачем же столько мучеников прежде было?.. Зачем Спаситель был распят, если бы он не верил?.. Нет, Коля, ты вот образованный человек и знаешь больше меня, а говоришь неубедительно. Оно как будто и правда, а душа чувствует неправду. И кругом, кругом ложь... говорят, любят бога, а сами?! Взгляни-ка ты на залесских мужиков... каково им из-за одного человека? И –

удивительно! – он и без того богат, этот Кривошейнов, к чему ему еще богатство?.. Что делать с ним? На что, например, Смирнова оттягивает лес у мужиков, который им отдан, она знает хорошо это, покойником ее отцом? За то, что бумаг нет?

– Разве это правда?

– Правда. Лаврентьев говорил, а он говорит только о том, что знает... Курс кончить?! – отвечал как бы самому себе Вася. – Папа, вижу я, сердится, что я не готовлюсь в академию. Но к чему мне готовиться? Разве, если я буду доктором, я стану лучше?.. Или с годами пройдет все, и я повторять буду, что все так? Нет, Коля, я не могу... Я чувствую, что так нельзя. А как нужно – тоже не вполне понимаю. Но я дойду до этого... дойду.

Вдруг Вася остановился и, как бы спохватившись, промолвил:

– Ты, Коля, извини... Я тебя своими мыслями занимаю и, верно, тебе надоело, а ты и не скажешь...

Николай обнял Васю и заметил:

– Экий ты какой!.. Говори, говори... легче станет... Не надоел ты мне... Рассказывай все... я охотно слушаю...

– Не умею я говорить... всего не перескажешь... Ах, Коля, если бы я был, как прежде... верующий... Помнишь?

– А теперь?

Вася безнадежно покачал головой.

– Тогда бы лучше было!..

Он замолчал и продолжал молча ходить по комнате. Потом вдруг остановился и прошептал:

– Человек же и Кривошейнов... И у него душа должна же быть... Как думаешь, брат?

Николай засмеялся.

– Сомневаюсь...

– Напрасно. Нет злодея, который бы не смягчился... Да и есть ли злодеи-то?..

Опять, видно было, в голове у юноши поднялась какая-то внутренняя работа.

– По-твоему, злодеи есть, Коля?

– Есть.

– А мне сдается, кет их!

– Знаешь ли, что я придумал, брат? – сказал Николай. – Напишу-ка я корреспонденцию о твоём злодее... Быть может, обратят внимание и продажа в Залесье остановится...

Вася сперва обрадовался.

– Только смотри, Коля, напиши хорошо... Все расскажи. Но только подожди послать ее до завтрашнего вечера. Быть может, и не надо.

– Отчего? – удивился Николай.

– Так... у меня один план есть! – серьезно проговорил Вася. – Попробую.

– Секрет?

– Теперь не спрашивай. Да вот еще что, Коля: не говори ты маме ни слова о нашем разговоре. Она и так все волнуется, глядя на меня. К чему огорчать ее, голубушку нашу? И вообще никому не говори лучше. После все объяснится! – как-то загадочно прибавил он. – Я с папой сам переговорю.

Вася несколько успокоился и спустя несколько времени рассказал брату, что Лаврентьев очень зовет его к себе и что Леночка была эти дни нездоровая.

– Что с ней?

– Не знаю. Доктора не хотела. Раздражительная стала какая-то... похудела, голова болела все. Григорий Николаевич очень скорбел за Елену Ивановну. Теперь, впрочем, ей лучше. Да, я и забыл: она о тебе спрашивала, просила дать знать, когда ты приедешь. Удивлялась, что ты засел у Смирновых. Я и сам, признаться, дивился. Разве там приятно было тебе?

– Надо, Вася, побольше людей видать, иначе односторонне судить о них станешь. Кстати, я там с Прокофьевым познакомился. Ты, кажется, знаешь его?

– Видел у Лаврентьева!

– Нравится он тебе?

– Я мало его знаю, но слышал, что это замечательный человек! – проговорил с каким-то благоговейным восторгом Вася.

– Ты, брат, слишком увлекаешься. Человека раз-другой видел – и уж замечательный человек.

– Тебе разве Прокофьев не нравится? – удивился Вася.

– Я не к тому. Я вообще! – заметил Николай, чувствуя почему-то досаду на то, что Вася так восторженно относится к Прокофьеву. – Так Леночка, ты говоришь, обо мне спрашивала?

– Да, спрашивала, – прошептал Вася. – Ты зайдешь к ней?

– Зайду как-нибудь.

– Хороший она человек, и Лаврентьев хороший. И как он ее любит, если б ты знал, Коля! – проговорил Вася и вдруг покраснел.

– К чему ты говоришь об этом?

– Так, к слову!.. – шепнул Вася и снова заходил по комнате.

«Как все принимает близко к сердцу, бедняга! Того и гляди сделает какую-нибудь неправимую глупость! – раздумывал Николай, оставшись один. – И ничем не убедишь его».

В тот же вечер, после чая, отец говорил Николаю о Васе с большим сокрушением. Его удивляла его болезненная мечтательность, и он не знал, как быть с юношей.

– Ты видел, как расстроило его известие о продаже имущества крестьян?

– Да. Бедняга сам не свой. Действительно, возмутительная история.

– Кто спорит – история гнусная, но что поделаешь?.. Мало ли скверного в жизни! Нельзя же на этом основании приходить в отчаяние. Он утром пришел ко мне таким страдальцем, что я испугался сперва, а дело-то все оказалось самое обыкновенное у нас. Вообще Вася меня беспокоит. Совсем странный мальчик. У него какая-то беспощадная логика, чуткость, доходящая до болезненности. Отчасти я виноват в этом! – с грустью проговорил старик.

– Ты? Ты-то чем виноват?

– Мало наблюдал за ним, когда он был ребенком. У него и тогда был особенный характер, а теперь он развился в уродливом направлении. Это – несчастная натура. Для него мысль и дело неразлучны, и он может дойти до нелепостей. Ты бы подействовал на него.

– Едва ли.

– И то. Он кроток, мягок, но независим! – вздохнул старик. – Пристал ко мне, чтобы я помог... И без того меня, старика, беспокойным считают. Я стал убеждать Васю, и он ушел от меня грустный, сосредоточенный. Да, странные теперь времена!.. Ребята и те страдают. Прежде мы в семнадцать лет не страдали. И бог еще знает что лучше!.. Что, как Вася?.. Успокоился?

– Кажется.

– У него склад какой-то странный, – продолжал старик. – Все его мучат вопросы неразрешимые. Одно утешает меня, что с годами он поймет тщету мечты о всеобщем благоденствии и станет трезвее смотреть на вещи. Мечтать всю жизнь – невозможно.

Старик долго еще говорил на эту тему и долго еще думал о Васе, ворочаясь на постели.

Он жалел сына и в то же время с ужасом думал, что из него может выйти человек, способный разбить кумиры, которым он, старик, всю жизнь поклонялся и свято чтил... Этого старик перенести не мог.

«Утопистов», как он называл всех сомневающихся современной цивилизации, он считал варварами и безумцами.

– Никогда толпа, как бы ни была она сыта, не может дать миру то, что дали ему высшие умы. При господстве толпы, при культе скромного довольства разве возможно могущество и

проявления гения? Дух исчезнет, и вместо господства духа будет царить накормленная посредственность. Это невозможно, ужасно, бессмысленно!

Так нередко говорил в задушевной беседе, потрясая своим могучим кулаком и взмахивая львиной своей гривой, Иван Андреевич, когда-то ярый фурьерист ²⁵.

Для Вязникова всякие «утопии» были покушением на личность, а личность он считал неприкосновенной.

---

²⁵ Фурьерист – последователь учения французского социалиста-утописта Ш.Фурье (1772-1837).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.